

в лето
" 5011 г.
пришла кнѣзья
квеликомъ кнѣзю дмитрий
иканокичю келарю донскомъ
изволинскіе зѣмай . кнѣз дми
трий михайловичъ вольникомъ бо
кроко . и великомъ кнѣз дмитрий
ивановичъ вѣл рече дмитрий
сестрѣ свою келарю днѣ
и кнѣз дмитрий ми
хѣйловичъ
дѣла гна .

В. ЛАВРЕНТЬЕВ

КАБИНЕТ-МИНИСТР АРТЕМИЙ ПЕТРОВИЧ ВОДЫНСКИЙ
И
ВОЕВОДА ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БОБРОК-ВОДЫНСКИЙ

Арта. мин.
Петр. вод.
Дмитр. вод.

михайло
Борисовичъ

михайло
Борисовичъ

Государственный
военно-исторический и природный
музей-заповедник

КУЛИКОВО ПОЛЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ —
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А. В. Лаврентьев

**КАБИНЕТ-МИНИСТР
АРТЕМИЙ ПЕТРОВИЧ
ВОЛЫНСКИЙ И ВОЕВОДА
ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
БОБРОК-ВОЛЫНСКИЙ**

Опыт изучения и мемориализации
Куликовской битвы в России
первой половины XVIII в.

Альянс-Архео
Москва—С.-Петербург
2013

Лаврентьев А. В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. — 104 с., ил., вкладка.

ISBN 978-5-98874-090-2

ISBN 978-5-98874-090-2

© А. В. Лаврентьев, 2013

© Куликово поле, 2013

© ООО «Альянс-Архео», 2013

ВСТУПЛЕНИЕ

...я просил тебя... увещевать некоторых,
чтобы они... не занимались баснями
и родословиями бесконечными, которые
производят больше споры, нежели Божие
назидание в вере.

Ап. Павел. 1 Тим. 1, 3–4

Куликовская битва «вплоть до середины XVIII в. ...не привлекала особого внимания русской общественности», поскольку «историческое образование первые шаги свои начало делать лишь в 50-е гг.» столетия трудами первых отечественных историков — М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева.¹ Куликово поле, место исторического сражения 8 сентября 1380 г., стало объектом внимания еще позже, «в XIX в., после выхода в свет „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина». Грандиозный труд историографа всесторонне повлиял на интеллектуальную жизнь российского общества, и в связи с повальным увлечением Карамзиным «в 20-х гг. (XIX в. — А. Л.) началось исследование (места битвы. — А. Л.), связанное с именем помещика Данковского уезда и директора училищ Тульской губернии С. В. Нечаева», который, собственно, первым и «занялся собиранием и публикацией находок с Куликова поля».²

¹ *Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006. С. 62. См. также: *Амелькин А. О.* Образ Мамаева побоища в общественном сознании России XVIII–XXI вв. // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Тула, 2007. Т. 2. История. С. 211–212.

² *Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь.

Именно таким образом, от Татищева и Карамзина, сегодня ведется отсчет времени начала изучения места одного из самых значимых событий русской истории — «Мамаева побоища» 8 сентября 1380 г. на берегах Дона и Непрядвы. Появление в российском обществе интереса и к Куликовской битве, и к полю, где произошло знаменитое сражение, связывается с успехами и этапами становления в России истории как науки, «татищевским» и «карамзинским».

Между тем интерес к Куликову полю существовал и ранее, причем независимо от прогресса профессионального научного знания. Хорошо известно, что память о сражении на Дону жила в сознании народа в виде разного рода припоминаний, преданий, легенд и даже вещественных памятников.

В научной литературе оживленно дебатировался вопрос о возможных фольклорных источниках письменных памятников Куликовского цикла XIV–XVI вв.,³ равно как и о фольклорных откликах на «Донское побоище».⁴ Свои, местные предания о битве XIV в. бытовали среди крестьянского населения Куликова поля конца XIX–XX вв.⁵ О том, что именно здесь, при

Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (13). С. 24; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликовской битвы // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005 (Труды ГИМ. Вып. 150). С. 62. О С. Д. Нечаеве см.: *Мухина С. А.* Безвестные декабристы Черевин П. Д., Нечаев С. Д. // Исторические записки. Т. 96. 1975. С. 242–249. См. также: *Соклаков А. Ю.* 1) Генеалогия рода Степана Дмитриевича Нечаева — первого исследователя Куликовской битвы // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 204–213; 2) К вопросу о поиске данных по генеалогии людей, связанных с территорией Куликова поля. Родословие дворян Нечаевых // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. Тула, 2002. С. 142–173.

³ *Азбелев С. Н.* 1) Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. С. 79–98; 2) Куликовская битва в народной памяти. Литературные памятники Куликовского цикла и народная традиция. СПб., 2011.

⁴ *Азбелев С. Н.* Куликовская битва в славянском фольклоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 11. М.; Л., 1969. С. 83–101; *Пушкарёв Л. Н.* К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 265–274.

⁵ Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечения из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 298; *Троицкий Н. И.* Берега Непрядвы в истори-

слиянии Дона и Непрядвы, когда-то произошло кровопролитное сражение, было хорошо известно уже в петровскую эпоху,⁶ а не позднее XVIII в. существовали «мемории», хотя и сомнительные, Куликовской битвы, вроде «костыля Александра Пересвета», почитавшиеся местным, что характерно, крестьянским населением как реальные памятники эпохи «Мамаева побоища».⁷

Возвращаясь к вопросу об осознании в России мемориального значения Куликова поля, заметим, что при очевидном и неоспоримом вкладе в него исторической науки существовали и иные побудительные мотивы интереса как к месту сражения, так и к самой битве и ее участникам, причем интереса частного. Проявил его, едва ли не первым, задолго до появления «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и в любом случае ранее выхода из печати первого издания «Истории Российской» В. Н. Татищева⁸ кабинет-министр правительства императрицы Анны Иоанновны Артемий Петрович Волинский — одна из самых ярких и противоречивых фигур эпохи дворцовых переворотов.

А. П. Волинский родился в 1689 или 1691 г., сделал блестящую военную и административную карьеру в правление царя Петра, дослужившись до высоких губернаторских постов и не потеряв своего положения в «эпоху дворских бурь», последовавшую за кончиной царя-преобразователя. В правление императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) А. П. Волинский

ко-археологическом отношении. Тула, 1998. Репринт публикации из «Трудов VII Археологического съезда в Ярославле». Т. 1. М., 1890. С. 7; *Пешехонов И., Бурицев И.* Дмитрий Донской в преданиях жителей Куликова поля и соседних регионов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. С. 193–198.

⁶ *Юркин И. Н.* 1) Петр Великий на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. С. 99–110; 2) Петр Железный. Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. С. 154–158.

⁷ *Розанов П. П.* Местное предание о Куликовской битве // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 1. Киев, 1879. С. 63–69.

⁸ Начатая В. Н. Татищевым в 1739 г. работа над рукописью получила «известное завершение» только к 1745 г. (*Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994. С. 29), первый том печатного издания Истории Российской вышел в свет в 1768 г.

заведовал Конюшенной конторой, в 1734 г. был пожалован в генерал-лейтенанты, еще через два года — в обер-егермейстеры двора в ранге полного генерала, а в 1738 г. стал кабинет-министром правительства державной племянницы Петра, пополнив узкий круг царедворцев, фактически правивших Россией (ил. 1).

Весной 1740 г. карьера А. П. Волынского оборвалась. Кабинет-министр был обвинен в многочисленных государственных преступлениях и взят в Тайную канцелярию. Следствие заняло менее трех месяцев, к нему было привлечено множество людей, но, кроме А. П. Волынского, самые серьезные обвинения в итоге были предъявлены нескольким «конфидентам» кабинет-министра, в первую очередь известному петербургскому архитектору, гоф-бау-интенданту П. М. Еропкину и советнику А. Ф. Хрущову. Для ведения следствия, порученного Тайной канцелярии, была сформирована специальная Генеральная комиссия из высших должностных лиц империи, собранные судьями доказательства преступных замыслов и поступков были переданы составленному из тех же лиц «Генеральному собранию», единодушно приговорившему А. П. Волынского с несколькими единомышленниками к смертной казни с конфискацией всего движимого и недвижимого имущества.

27 июня 1740 г., в день годовщины Полтавской битвы, трое «государственных преступников» — А. П. Волынский, тридцать один год назад сам бывший участником победной баталии, и его «конфиденты» П. М. Еропкин и А. Ф. Хрущов — были казнены в Петербурге.⁹

Следствие, кроме всего прочего, заинтересованно выясняло такой, казалось, далекий от политики вопрос, как происхождение и история рода Волынских, и это далеко не случайность. Начавшийся с обвинений кабинет-министра в должностных преступлениях и коррупции процесс был быстро перекалифицирован в «дело о государственной чести и достоинстве», покушении на высшую власть, что автоматически переводило его в разряд тяжких государственных преступлений с присужде-

⁹ Новейшее подробное биографическое исследование см: *Курукин И. В.* Артемий Волынский // ЖЗЛ. Малая серия. Вып. 23. М., 2011.

нием обвиняемого, в случае доказанности «вин», к высшей мере наказания (финансово-административные правонарушения карались не столь сурово).¹⁰ В обвинениях, предъявленных следствием А. П. Волынскому, аргументы «историко-генеалогического» свойства сыграли существенную роль.

Поводом для начала расследования «вин» кабинет-министра послужила разработка А. П. Волынским проектов государственных преобразований в России,¹¹ расцененная следствием «как прямой изменнический умысел», изобличающий его в намерении «взять высочайшую власть». ¹² Центральный «Проект о поправлении государственных дел» к моменту начала следствия существовал в незавершенных фрагментах, уничтоженных кабинет-министром перед арестом. Этот «исчезнувший памятник русской политической мысли XVIII века» включал в себя и некую историческую часть, обзор событий российской истории с древнейших времен, реконструкцию содержания которого по допросным речам А. П. Волынского и его «конфидентов» предпринял Ю. В. Готье.¹³ В нем упоминалось, правда, неясно в каком контексте, «высокое родство» кабинет-министра: «И как дошло до великого князя Дмитрия Донского, и тогда Волынской говорил, что онаго... родная сестра... была в супружестве за родственником ево... отчего и род ево пошел... И потому в оном сочинении прославлял оной... свою фамилию высокую и писал онаго Волынца князем». ¹⁴ Присутствие в исторической части «Проекта» имени «родственника ево» и факт наличия в нем указания на «родство» А. П. Волынского с великокняжеским домом подтверждали в своих показаниях и другие привлеченные к следствию лица.¹⁵

¹⁰ Анисимов А. Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 53–57.

¹¹ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волынского // Дела и дни. Пг., 1922. Кн. 3. С. 1–31.

¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 30.

¹³ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел»... С. 20.

¹⁴ РГАДА Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 20. Ю. В. Готье, приводящий эту цитату в усеченном виде (Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел»... С. 20), опустил пассаж о «родстве» А. П. Волынского.

¹⁵ См. например: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 20 (Допросные речи Ф. А. Соймонова).

«Родственник» подследственного, «Волынец», родоначалник Волынских — лицо, как известно, историческое. Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский (до 1356 — после 1389 гг.), первенствующий боярин думы и воевода великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, был женат на его сестре, княжне Анне Ивановне.¹⁶ Наряду с двоюродным братом и соправителем Дмитрия Ивановича князем Владимиром Андреевичем Серпуховским Д. М. Боброк сыграл как полководец едва ли не решающую роль в победе, одержанной на Куликовом поле 8 сентября 1380 г.¹⁷

Таким образом, «историческая часть» Проекта с прославлением «высокой фамилии» сочинителя давала определенный повод для обвинения А. П. Волынского за отсутствием прямых улик в «изменническом умысле», связав публично декларируемые кабинет-министром генеалогические и исторические сведения о родстве Волынских и московских Калитовичей с наличием у него планов захвата престола.¹⁸

Кроме того, под пытками у Волынского было вырвано признание в том, что кабинет-министр якобы считал свою «фамилию» «неплоше» Романовых.¹⁹ Здесь, очевидно, имелось в виду то, что правящая династия получила трон не прямым наследованием, а «по свойству» Михаила Федоровича Романова и угаснувшего рода потомков Калиты (первый царь новой династии приходился двоюродным внучатым племянником первой жене Грозного, царице Анастасии Романовне). С историей избрания на царство первого Романова А. П. Волынский был хорошо знаком.²⁰

¹⁶ Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 249.

¹⁷ *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 66–67.

¹⁸ *Петрухинцев Н. Н.* Дворцовые интриги 1730-х гг. и «дело» А. П. Волынского // ВИ. 2006. № 4. С. 44; *Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 354.

¹⁹ *Крючков Н. Н.* «Злого умысла не имел...» // Родина. 2007. № 7. С. 73.

²⁰ Рассказ кабинет-министра о событиях весны 1613 г. приводит в допросных речах слуга А. П. Волынского В. Кубанец: «Как ездили (в 1613 г. — А. Л.) собором в монастырь тот (Костромской Ипатьевский. — А. Л.), где царь Михаил Федорович с матерью своею... изволили жить. И просили де на царство

В связи с последним кабинет-министру, потомку Д. М. Боброка-Волынского, инкриминировали то, что «когда фамилия ее (императрицы. — А. Л.) пресечется, то де и по его с московскою великою княжною... свойству могут дети или внучаты или правнучаты его российского престола преемниками быть». И хотя подследственный как будто бы сразу отрекся от своих слов о том, что Романовы «неплоше» Волынских («показал... от страха, боясь розыску»²¹), «внучата и правнучата» целиком попали в обвинительное заключение, составленное по итогам следствия.

Признавший инкриминированные ему изначально факты взяточничества и различных служебных проступков кабинет-министр, однако, даже на пытке не признался в наличии планов захвата власти. Характерна фраза А. П. Волынского, несколько раз в разных словосочетаниях зафиксированная протоколами допросов и чаще всего цитируемая в исторических исследованиях: «Умысла, чтоб *себя государем сделать*, я подлинно не имел».²² Даже «конфиденты», тоже, кстати, под пыткой, показывали, что он «и в мысли своей не держал быть государем».²³

Тем не менее, в итоговом документе следствия, состоящем из более чем сорока обвинительных пунктов, кабинет-министру, в полном соответствии с зафиксированным протоколом показанием подследственного, инкриминировалось публичное декларирование («многим персонам сказывал») своего происхождения от брака предка А. П. Волынского в великокняжеском доме, более того, признавалось, что «*то свойство блиское*», на

у матери ево, то де мать ево, государеву, привели перед Богоматерью образа Спас... и так де благословила царствовать» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 198. Л. 68 об.—69).

²¹ Цит. по: Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. Из бумаг кабинет-министра Артемия Петровича Волынского // Записки Русского отделения Имп. Русского археологического общества. Т. 2. М., 1902. С. 19–20.

²² См. например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 10. С. 668; Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 19–20; Крючков Н. Н. «Злого умысла не имел...». С. 73; Петрухинцев Н. Н. Дворцовые интриги 1730-х гг. и «дело» А. П. Волынского. С. 44; Курукин И. В. «Эпоха дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 267.

²³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204. Л. 28 об. (допросные речи А. Ф. Хрущева).

основании чего, как полагали судьи, «могут его дети или вну-чата или правнучата ево российского престола приемниками быть».²⁴

Обвинение «себя государем сделать» выглядит как будто бы совершенно абсурдным — занять императорский трон в любом случае, мирным путем или в результате переворота, мог только родственник государя. Отдельный вопрос — степень родства такого претендента и правящей династии, зачастую, мягко говоря, весьма неблизкая. Под любыми претензиями на высшую власть в России, реальными или, как в случае с А. П. Волынским, приписанными ему пристрастным следствием, это родство должно было так или иначе существовать, что прекрасно понимали и в Тайной канцелярии.

«Тяжкие государственные вины» опального были публично зачитаны ему перед казнью в Петербурге, а две недели спустя, 7 июля 1740 г., императрица указала «для всенародного известия... опубликовать печатными манифестами, дабы все... о том ведать могли». Манифест, предназначавшийся всем подданным итог расследования, публично опровергал «высокое родство»: «Хоть он... сам знал, что он не из знатного, но из самого простого убогова дворянства... однакоже от наглой своей высокомерности в... злоумие впал... дерзнул безсовестно... и беззаконно к высокой нашей императорской фамилии свойством себя причислить и о том... многим здесь разглашал». По совершенно неясным причинам Манифест от 7 июля 1740 г. не попал в Полное собрание законов Российской империи.²⁵

Сейчас, не вдаваясь в коллизии борьбы за влияние на императрицу различных придворных партий, не раздавая политических характеристик участникам этой борьбы, жертвой которой пал кабинет-министр, отметим только, что обвинения А. П. Волынского в наличии планов захвата престола строились на углуб-

²⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 208. Л. 30–31 об.

²⁵ Ср.: Лихачев Н. П. Каталог летучих изданий и их перепечаток: манифесты, указы и другие правительственные распоряжения. СПб., 1895. С. 56–57. Манифест цитируется по: ГПИБ. Отдел истории книги. Указы. Конволют № 34. Л. 83–86 об. (современная рукописная копия); РГАДА. Фонд печатных указов. Ед. 3819 (фрагмент). Приношу сердечную благодарность Т. А. Опариной и А. А. Булычову за возможность ознакомиться с документами.

ленном и, судя по всему, наследственном интересе кабинет-министра к истории своего рода и через нее к центральному событию русской истории XIV в. — Куликовской битве. В известном смысле исторические пристрастия А. П. Волынского, наверное, вполне невинные в иной ситуации, в условиях интриг вокруг трона времени правления Анны Иоанновны сыграли с ним злую шутку, послужив предметом расследования и в итоге приведя кабинет-министра на плаху.

Возвращаясь к ключевому событию в истории рода Волынских, Куликовской битве 8 сентября 1380 г., отметим, что интерес кабинет-министра к сражению надо рассматривать в контексте темных вопросов ранней истории рода Волынских, с которых и нужно начать.

Глава 1

ОФИЦИАЛЬНОЕ РОДОСЛОВИЕ И СЕМЕЙНАЯ РОДОСЛОВНАЯ ЛЕГЕНДА ВОЛЫНСКИХ

Надо сказать, что несмотря на то, что А. П. Волынский состоял в свойстве, хотя и дальнем, с правящим домом и, очевидно, даже лично с императрицей Анной Иоанновной,¹ на следствии оно даже не упоминалось, и не оно послужило доказательством «преступных намерений» кабинет-министра. «Отдаленное родство с Романовыми не будет удовлетворять его (Волынского. — А. Л.) честолюбия: он постарается показать свое происхождение от семьи Дмитрия Донского. И хотя... „доказательства“ основывались на сомнительных документах или вовсе не имели оснований, это позволило врагам Волынского обвинить его в намерении захватить престол», — полагает один из биографов кабинет-министра.²

Несмотря на неясность вопроса о браке или, точнее, браках героя Куликовской битвы (об этом ниже), «высокое родство»

¹ После кончины матери и вторичной женитьбы отца малолетнего Артемия Петровича воспитывал Семен Андреевич Салтыков (*Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 27), женатый на Фекле Яковлевне Волынской (РБС. СПб., 1904. Сабанеев-Смыслов. С. 117), дальней родственнице будущего кабинет-министра, сам, в свою очередь, состоявший в родстве с императрицей, дочерью царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой. Женой А. П. Волынского была А. Л. Нарышкина, племянница Петра I по матери, царице Наталии Кирилловне.

² *Крючков Н. Н.* Артемий Петрович Волынский: личность и эпоха: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2008. С. 19.

Волынских, в котором сомневается современный исследователь, не только получило официальное подтверждение при Иване Грозном в Государевом родословце 1555 г., но и еще раз Бархатной книгой, составленной в 1687 г. после отмены местничества. Соответствующие главы официальных, повторимся, государственных реестров российского дворянства содержат роспись «рода Дмитрея Михайловича Волынского Боброка», выехавшего на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу «из Волынские земли», подтверждая «высокое родство» — «и князь великий дал за него (Боброка. — А. Л.) сестру свою княжну Анну. А у Дмитрея Михайловича были два сына: Борис да Давыд; от Бориса пошли Волынские, а от Давыда пошли Вороны». ³

Н. Н. Петрухинцев напрасно считает, что «десятки фамилий находились в куда более близком родстве с Рюриковичами... что, однако, не служило юридическим основанием в обвинении их в притязаниях на царскую власть». ⁴ Принадлежность к князьям Рюрикова дома и родство с московскими Калитовичами — не одно и то же. Брак сестры великого князя и «выезшего с Волыни» боярина думы великого князя, о котором сообщают, повторимся, официальные документы, — явление, безусловно, уникальное. Известны всего три брака великокняжеских сестер и бояр: один в Великом княжестве Суздальско-Нижегородском старшей дочери великого князя Дмитрия Константиновича Марии и московского боярина Микулы Васильевича Вельяминова и два в Москве — тот, потомками которого считали себя Волынские, и имевший место позднее, в XV в., сестры великого князя московского Василия Васильевича Темного, выданной замуж за московского же боярина Юрия Патрикеевича. ⁵ Последний принадлежал к князьям — потомкам Гедимины, сохранив после выезда из Литвы «к Москве» княжеское достоинство и одновременно обретя московское боярство. ⁶

³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888 (репринт. СПб., 2002). С. 358–375; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 53–55.

⁴ Петрухинцев Н. Н. Дворцовые интриги 1730-х гг. ... С. 44.

⁵ Эжземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. С 1238 по 1505 гг. СПб., 1891. Т. 1. С. 147; Т. 2. С. 417.

⁶ РБС. М., 1902. Павел — Петрь (Илейка). С. 382, 387.

В русской родословной традиции есть и иной вариант происхождения рода Волынских, в отличие от Государева родословца и Бархатной книги носивший, подчеркнем, не официальный, а частный характер.⁷ Согласно ему Д. М. Боброк-Волынский состоял не в одном, а в двух браках, и сыновья воеводы, в том числе старший, родоначальник Волынских, родились в первом, сестра же великого князя Дмитрия Ивановича княжна Анна Ивановна была второй женой героя Куликовской битвы; сын или сыновья от второго брака, действительно племянники Дмитрия Донского, не оставили потомства.⁸ В случае правоты этого варианта родословия Волынские были потомками воеводы Д. М. Боброка-Волынского от первой жены и состоять в «свойстве» с великим князем московским, естественно, не могли.⁹

В данном случае не так важно, какой из двух вариантов происхождения рода более соответствует истине. А. В. Кузьмин, например, не без оснований полагает выше приведенный второй едва ли не более древним, чем тот, что включен в Государев родословец.¹⁰ Важно другое, то, что официальные институты Российского государства признавали «высокое родство» Волынских с московским великокняжеским домом, зафиксированное в Государевом родословце и Бархатной книге. Однако кроме последнего, существовало и семейное родословное предание, имевшее весьма существенное отличие от официально признанного, причем в сторону повышения статуса рода.

⁷ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. ... С. 65, 188.

⁸ Временник МОИДР. 1851. Кн. 10. Материалы. С. 12; Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 52–61; Турилов А. А. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 206–207. Ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286.

⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса... С. 286; Кузьмин А. В. 1) Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 111–136; 2) Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV вв. Ч. 1: Всеволож-Заболоцкие, Волынские, Липягины // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 11. М., 2004. С. 718.

¹⁰ Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 111.

После отмены в 1682 г. местничества дворяне, в том числе и представители многочисленного и разветвленного рода Волынских, подали свои родословные росписи в Палату родословных дел, специально учрежденную для пополнения Государева родословца.¹¹ Н. П. Лихачев в свое время отмечал, что в составленной на их основе сводной росписи рода Волынских, помещенной в Бархатной книге, «Дмитрий Волынской-Боброк показан князем, чего нет в частных (родословных. — А. Л.) списках»,¹² притом что княжеский титул содержит только заглавие главы 25 «Род князя Дмитрия Михайловича Волынского Боброков», в тексте же сам воевода князем не титулуется, равно как и его потомство.¹³

Откуда же в Бархатной книге появился княжеский титул героя Куликовской битвы? Последняя, имея в своей основе Государев родословец 1555 г., пополнялась «путем привнесения новых колен из поданных представителями родов росписей».¹⁴ В поданных после 1682 г. Волынскими родословных росписях присутствовали не только новые «колена» рода, сформировавшиеся за сто тридцать лет, разделявших время составления Государева родословца и Бархатной книги, но и три существенных дополнения иного порядка.

Так одна коллективная родословная роспись Волынских, снабженная «на затылке» семью «рукоприкладствами» представителей трех ветвей фамилии (она сохранилась с потерями), не только озаглавлена как «Род князя Дмитрия Михайловича Волынского Боброкова», но и титулуется последнего князем в самом тексте.¹⁵ Другая, индивидуально поданная Иваном Ва-

¹¹ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 39–58, 119.

¹² Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. М.; СПб., 2007. С. 377. Примеч. 2. Ср.: Власьев Г. А. Род Волынских. СПб., 1901. С. 1.

¹³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги... М., 1787. Ч. 2. С. 85–93.

¹⁴ Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. С. 57, 62.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 101. Л. 2–3, 4 об. Родословную роспись скрепили своими подписями Иван, Михаил и Федор Яковлевичи, Иван и Михаил Петровичи, Петр Артемьевич (отец кабинет-министра) и Иван Михайлович Волынские.

сильевичем Волынским и также сохранившаяся фрагментарно, содержит кроме указания на княжеское происхождение родоначальника еще и дату «выезда», 1380 г., год, напомним, Куликовской битвы, а также сообщает, что «у Дмитрея Михайловича... сын боярин Борис Дмитриевич».¹⁶ Наконец, еще одна родословная, подписанная пятью Волынскими двух ветвей рода и дошедшая до наших дней, в отличие от вышеприведенных, целиком, не только повторяет все вышеизложенное касательно княжеского происхождения Д. М. Боброка-Волынского, боярского достоинства сыновей воеводы и даты «выезда», 1380 г., но и констатирует, что «Волынские все одни, кои в прежней разрядной родословной книге написаны, которые с прежнею разрядною родословною книгою и с нынешними Волынских росписями сходны».¹⁷

Таким образом, однородцы, во всяком случае, в конце XVII в., поголовно были убеждены в том, что, во-первых, боярином был не только сам Д. М. Боброк-Волынский, но и оба его сына, что, во-вторых, родоначальник Волынских принадлежал к князьям и, в-третьих, выехал будущий свояк великого князя Дмитрия Ивановича «к Москве» в 1380 г., в год Куликовской битвы.

Судя по всему, семейная традиция существовала параллельно той, что нашла отражение в Государевом родословце. Тем не менее, в Бархатную книгу княжеское достоинство Д. М. Боброка-Волынского внесено, повторимся, только в заглавие родословной росписи Волынских, что можно считать частичным официальным признанием правоты семейной родословной легенды, боярство же сыновей и дата выезда никакого отражения в Бархатной книге не нашли. В происхождении рода от брака воеводы и великой княжны в то же время никаких сомнений не высказывалось, благо доказательства были под рукой не только у предков кабинет-министра: «Разсуждение о своей фамилии... имел по родословным книгам, имеющимся... в других

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 67. Л. 1 («В лета 6888-го году прииде к Москве к великому князю Димитрию Ивановичю Донскому из Волынского земли князь Дмитрей Михайлович Волынской»).

¹⁷ Там же. Л. 2–4. Ее подписали Иван Большой и Иван Меньшой Ивановичи, Гаврила и Василий Никитичи Волынские (л. 2 об.). Ср.: *Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 14.

домах и у него, Волынского, в доме. О выедем... Дмитрее Михайлове сыне, который... по родословным книгам написан... Волынской, которой был женат московского великого князя Дмитрия Иоанновича Донкова на сестре княжне Анне, от которых родились сыновья Борис и Давыд, и от одного из них колена пресеклось, а от другова они, Волынские, пошли».¹⁸

«Высокое родство» Волынских не было оспорено и в XVIII в., в эпоху петровских реформ, когда значение и место государственного органа по учету «шляхетного сословия» и контролю за чистотой дворянского класса еще более возросло с учреждением при Сенате Герольдмейстерской канцелярии — правопреемницы Палаты родословных дел.¹⁹ Никаких сомнений в происхождении рода Волынских от брака Д. М. Боброка и княжны Анны Ивановны и в это время вроде бы также ни у кого не возникло. Однако княжеское происхождение Д. М. Боброка-Волынского, «выезд» будущего воеводы «к Москве» в 1380 г. и принадлежность основателя рода Волынских, Бориса Дмитриевича, и его брата к московскому боярству и в XVIII в. оставались достоянием семейных родословных легенд, не более.

На чем же базировалось убеждение Волынских в княжеском происхождении родоначальника? Традиция титулования воеводы князем действительно существует помимо родословных преданий семьи Волынских, и это традиция летописная, на что в свое время обратил внимание С. Б. Веселовский.²⁰

Время «выезда» Д. М. Боброка, как помним, в Государевом родословце и Бархатной книге не указано (В. А. Кучкин предполагает, что он мог иметь место в 1366–1368 гг.²¹). Сами Волынские, как помним, полагали, что «выезд» состоялся в 1380 г., но до Куликовской битвы 1380 г. имя воеводы трижды упоминается в летописях в связи с военными операциями московских войск, битвой с рязанцами при Скорнищеве 1371 г. и походами на Булгар в 1376 г. и Литву в 1379 г.

¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 119 об.

¹⁹ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 265–268.

²⁰ Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев С. 285, 362, 492.

²¹ Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. С. 249.

Рогожский летописец и Симеоновская летопись, восходящие к раннему великокняжескому своду, так или иначе созданному вскоре после сражения 1380 г., в Скорнищевской битве и первом, болгарском, походе именуют воеводу Дмитрием Михайловичем Волынским, во втором же, литовском, титулуют его *князем* Дмитрием Михайловичем Волынским.²² Традиция титуловать воеводу князем позднее становится в летописании повсеместной. Своды, так или иначе связанные с московским великокняжеским летописанием конца XV в., титулуют воеводу *князем* уже во всех трех военных операциях,²³ и так же поступают летописные своды XVI в.²⁴

Совершенно иначе обстоит дело в летописных рассказах о собственно Куликовской битве. В статье под 1380 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи, текстах, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, имя Д. М. Боброка-Волынского вообще отсутствует. Что же касается двух других литературных сочинений, повествующих о сражении, Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище, то оба памятника упорно «отказывают» воеводе в княжеском достоинстве, именуя его в первом случае «Дмитрей Волыньской»,²⁵ а во втором — «Дмитрей Волынецъ», «Дмитрей Волынской» и «Дмитреи Боброк от Литовския страны»²⁶ и т. п. При этом, что любопытно, наименование воеводы Боброком, очевидно, появляется только в Сказании о Мамаевом побоище, т. е. принадлежит достаточно поздней традиции, в ранней же он — Волынский. Любопытно, что во включенном в ту же Никоновскую летопись Сказании о Мамаевом побоище воевода Д. М. Боброк-Волынский, как и в Задонщине, княжеского достоинства не имеет,²⁷ хотя ранее в этом же летописном своде он трижды, в статьях под 1371, 1376 и 1379 гг.,

²² ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 111, 117, 129; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 98, 116, 138.

²³ См. например: ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. В. 1. Стб. 440 (Новгородская 1 летопись старшего извода); Т. 42. СПб., 2002. С. 133 (Новгородская Карамзинская летопись); Т. 23. М., 2004. С. 116, 120 (Ермолинский летописец).

²⁴ См. например: ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 16, 25, 45 (Никоновская летопись).

²⁵ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 114, 127–128.

²⁶ Там же. С. 168, 170–172, 180, 241, 246, 327–331.

²⁷ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 56–58, 60, 61; Памятники Куликовского цикла. С. 114–115, 127–128, 168, 170–172, 180, 184.

титулется князем. Такое впечатление, что летопись воспринимала героя Сказания о Мамаевом побоище и участника предшествовавших битве военных событий как двух разных персонажей.

Мы, разумеется, никогда не узнаем, списки каких летописных сводов были в библиотеке самого А. П. Волынского,²⁸ и какие летописные своды читали его предки, но что князь Дмитрий Волынский появился на Руси до Куликовской битвы, похоже, Волынским XVII в. было хорошо известно. В одной из частных редакций родословных книг Ю. В. Анхимюком была выявлена небольшая подборка «случаев», касающихся Волынских,²⁹ включающая две выписки из летописей о походах 1376 и 1379 гг., где воевода титулется князем.³⁰ Тем не менее, Волынские XVII в. упорно настаивали на 1380 г. как дате «выезда», очевидно полагая привязку его к Куликовской битве более почетной, при том что, повторимся, в памятниках Куликовского цикла родоначальник князем не титулется.

Вообще говоря, свояк великого князя и первенствующий боярин думы Дмитрия Ивановича Д. М. Боброк, вне всякого сомнения, не мог не относиться к верхам аристократии, и не кажется невероятным весьма обоснованное предположение А. В. Кузьмина, что княжеский титул, с которым он прибыл с Волыни на Русь, был в силу особенностей служб выезджих родов этого времени утерян едва ли не первым поколением потомков Д. М. Волынского.³¹ Волынские XVII в., «люди без титула, но с «отечеством»,³² не могли не заметить некоторого необъяснимого несоответствия сегодняшнего положения рода с тем местом, которое он занимал изначально. Принадлежность князя-родо-

²⁸ Луттов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. С. 175.

²⁹ Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII вв. М., 2003. С. 283–285.

³⁰ См. например: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 17. Л. 14 об., 15 об.

³¹ Подробнее см.: Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV вв. Ч. 1: Всеволож-Заболоцкие, Волынские, Липягины. С. 720, 740. Ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285, 362, 492.

³² Цит. по: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 271.

начальника к одной из семей суверенов, сидевших на Волыни в XIV в., никак не сказалась на службах следующих шести-семи поколений Волынских, вторично возвысившихся только в XVII в.³³ Очевидно, в 80-х гг. XVII в. в ходе работы над Бархатной книгой, сыгравшей огромную роль в судьбах русского дворянства, Волынские предприняли какую-то попытку утвердиться в княжеском достоинстве, апеллируя к семейной традиции.³⁴

Возможно, следом попытки повышения собственного статуса времени деятельности Палаты родословных дел являются два документа из домашнего архива А. П. Волынского, конфискованные следствием в 1740 г. Это лист с изображением родословного древа Волынских конца XVII в. и датированная 1721 г. копия «местной грамоты» XIV в. великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича, в которой фигурирует его тысяцкий, некий князь Дмитрий Алибуртович Волынский.

³³ Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С. 290.

³⁴ Ср.: «С момента составления в середине XVI в. Государев родословец не был доступен для частного копирования, и... ссылки на семейную традицию и память были делом обычным» (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 330).

Глава 2

РОДОСЛОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АРХИВА А. П. ВОЛЫНСКОГО

Дело против кабинет-министра было открыто 12 апреля 1740 г. домашним арестом А. П. Волынского и конфискацией его бумаг,¹ среди которых оказались и интересующие нас документы, ныне хранящиеся в следственном деле кабинет-министра.

Родословное древо рода Волынских выполнено на нескольких склеенных листах «александрийской» бумаги (ил. 2)² одной рукой и одним почерком и представляет собой графический вариант родословия потомков выехавшего «из Волынской земли князя Дмитрея Михайловича Волынского Боброкова». Завершается древо именами Волынских конца XVII в. При этом взятое в кружок имя отца кабинет-министра Петра Артемьевича соединено по нисходящей с именами двух сыновей, Ивана и Михаила Петровичей, к которым более поздним почерком добавлено третье имя — Артемий Петрович, а к нему, в свою очередь, тем же почерком присоединено имя сына кабинет-министра Петра Артемьевича (ил. 3). Следовательно, Родословное древо было выполнено до рождения будущего кабинет-министра, т. е. в любом случае до рубежа 80–90-х гг. XVII в.,³ около времени подачи родословных сказок Волынских в Палату родо-

¹ Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. С. 322.

² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 278. Л. 42.

³ А. П. Волынский родился, по одним сведениям, около 1689, по другим, в 1691 г. (Курукин И. В. Артемий Волынский. С. 26).

словных дел и получило дополнения уже при А. П. Волынском.

Нет никаких сомнений, что составитель Родословного древа руководствовался тем вариантом родословия, который подавался Волынскими в Палату родословных дел. На это указывает текстуально совпадающее со «скасками» 80-х гг. XVII в. взятое в картуш известие о выезде основоположника рода, титулующее Д. М. Боброка-Волынского «князем», а сам «выезд» относящее к 1380 г. (ил. 4), и титулование обоих сыновей воеводы, известных разрядным книгам Бориса и Давида Дмитриевичей, «боярами».⁴ Таким образом, обе ветви потомков Д. М. Боброка — и пресекавшиеся в XVI в. Вороны, и здравствующие на время составления росписи Волынские — причислены к изначально боярским родам.

Известно, что до XVI в. только один из потомков великокняжеского воеводы был жалован в правление Ивана Грозного боярством, и это был представитель младшей ветви рода Вороных — боярин и казанский дворецкий М. И. Вороной-Волынский,⁵ но в наш документ включен еще один боярин, на этот раз из старшей ветви потомков Д. М. Боброка, собственно, Волынских, новгородский дворецкий Иван Михайлович Волынский (ил. 5),⁶ не указанный с боярским достоинством ни в Государевом родословце, ни в Бархатной книге, ни в родословных росписях, поданных Волынскими в Палату родословных дел.

Имя И. М. Волынского известно по разрядным книгам, где под 1501 г. он показан новгородским дворецким, что важно, без боярства,⁷ а также по косвенному упоминанию в летописной

⁴ «О службе сыновей ничего не известно... на боярство их нет нигде указаний» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286).

⁵ Там же. Исследователь подчеркивает, что М. И. Вороной «сделал настолько быструю и блестящую карьеру, что может быть признан человеком „в случае“ царя Ивана IV».

⁶ Известно двое Волынских эпохи Смуты — бояр тушинской думы второго Самозванца (*Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 22), которых по понятным причинам в росписях не поминали.

⁷ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 33. Великокняжеским дворецким в Новгороде И. М. Волынский был между 1492/93 и 1500/1501 гг. (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев.

статье под 1536 г. о приеме в Москве казанского царя Шах Али (Шигалея) и его жены Фатимы Салтан, где среди боярынь вдовой великой княгини Елены Васильевны Глинской показана «Огрофена Иванова жена Волынского».⁸ Последнее, очевидно, и послужило в XVII в. Волынским, а в наши дни историкам-современникам, поводом считать мужа боярыни великой княгини боярином великого князя московского.⁹

Боярыни великих княжон и позднее цариц совершенно обязательно должны были быть женами или вдовами бояр,¹⁰ однако в нашем случае боярство И. М. Волынского, определенно мужа А. Волынской, считается почему-то само собой разумеющимся,¹¹ что совершенно не факт. А. А. Зимин полагал, например, что великокняжеские дворецкие этого времени никогда не принадлежали к думным чинам,¹² и в таком случае А. Волынская не жена или, скорее, в 30-е гг. XV в. уже вдова дворецкого, а носительница индивидуального придворного чина. Тем не менее, заметим, что составители родословного древа Волынских

С. 286). Л. М. Савелов ошибочно полагает новгородским дворецким М. Г. Воровного-Волынского (*Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1908. Вып. 2. С. 117*).

⁸ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 23.

⁹ *Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 115. М. М. Кром оценивает вероятность родства осторожнее (Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010. С. 150).*

¹⁰ Из двух указанных в летописной статье 1536 г. кроме А. И. Волынской боярынь великой княгини одна, «Огрофена Васильева жена Андреевича», действительно была женой боярина В. А. Челяднина, муж же другой, «княж Андреевой князя Михайловича... княгини Анастасии», князь Ф. М. Мстиславский боярского достоинства, что хорошо известно, не имел (*Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостнический строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 5*). В приведенном И. Е. Забелиным списке боярынь, состоявших при женах первых Романовых, едва ли не две трети носительниц чина не были не только женами бояр, но и не принадлежали вообще к боярским фамилиям (*Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. Т. 2. М., 2001. С. 390–392*).

¹¹ *Власьев Г. А. Род Волынских. СПб., 1911. С. 9; Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания. С. 115, 118; Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 111–112.*

¹² *Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV — XVI вв. // ИЗ. Т. 63. 1958. С. 181–182.*

конца XVII в. рассуждали так же, как наши современники, полагая, что боярыня великой княгини обязательно должна быть женой или вдовой боярина.

Помещение гипотетического боярина в Родословное древо наряду с указанием на боярское достоинство первого поколения потомков Д. М. Боброка-Волынского недвусмысленно намекает на уместность возвращения Волынских в число боярских фамилий, которое произошло только во второй половине XVII в. и связано с именем троюродного дяди Артемия Петровича Василия Семеновича Волынского, пожалованного в бояре в 1676 г.¹³

Боярин В. С. Волынский (ил. 6), один из центральных участников острой борьбы вокруг трона «партий» Милославских и Нарышкиных,¹⁴ привел еще при жизни на околичество двух родных братьев; после кончины в 1682 г. бездетного боярина боярский чин, что принципиально важно, остался в роду Волынских и был сказан его дальнему родственнику, сыну околичного Ф. В. Волынского Ивану Федоровичу.¹⁵ Как видим, новый взлет Волынских пришелся как раз на время отмены местничества и составления Бархатной книги. Тогда же, напомним, было составлено и Родословное древо. Судя по всему, боярин эпохи Ивана III стал плодом семейных изысканий Волынских в пору наивысшего, после эпохи Куликовской битвы, взлета рода.

Подробное исследование Родословного древа из архива кабинета-министра А. П. Волынского далеко выходит за рамки настоящего исследования. Отметим только высокий художественный уровень исполнения документа,¹⁶ а также тот бросающийся в глаза факт, что все члены многочисленного рода Во-

¹³ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, NJ, 1983. P. 192.*

¹⁴ *Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 59, 63–64, 239–241, 261.*

¹⁵ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. P. 192–193, 202.*

¹⁶ Одной из частных редакций XVII в. Государева родословца известен подобный «графический» способ передачи родословных росписей, когда имена членов рода вписывались в кружки по принципу «родословного древа» (*Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 58–63*).

лынских показаны полными именами, с фамилией и отчеством, чего нет ни в Бархатной книге, ни в родословиях Волынских, поданных в Палату родословных дел.

Второй документ, конфискованный следствием в доме кабинет-министра в апреле 1740 г., представляет собой датированную 1721 г. копию «месной грамоты» суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича (на великом княжении с 1365 г., ум. в 1383 г.), в которой фигурирует имя первенствующего в великокняжеской думе тысяцкого, некоего князя Дмитрия Алибуртовича Волынского (ил. 7).¹⁷ Здесь предметом интереса Волынских представляются претензии на княжеский титул с попыткой объяснить себе и миру, к какой же из двух княжеских фамилий Волыни XIV в., Рюриковичам или Гедиминовичам, мог принадлежать родоначальник.

Впервые документ из следственного дела А. П. Волынского был издан С. М. Соловьевым безо всяких комментариев.¹⁸ Посвятивший «месной грамоте» специальное исследование Н. П. Павлов-Сильванский констатировал, что документ — подделка XVII в., «очень тонкая и искусная, основанная на неизвестных нам грамотах раннего времени», не содержащая «ни одного... противоречия с иными источниками, ни одной явной несуразности... и по языку, и по форме... близко подходит к грамотам XIV–XV вв.», с чем довольно трудно согласиться.¹⁹ Не вдаваясь в этот сам по себе интересный вопрос о качестве поддельного текста,²⁰ отметим, что изготовитель фальсификата да-

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Л. 171–171 об. Другой список грамоты, тоже XVIII в., указан В. О. Ключевским (*Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1903. (Репринт. М., 1999). С. 540. Текст издан дважды: *Павлов-Сильванский Н. П.* Местная грамота XIV в. С. 21–22; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 335–338.

¹⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1993. С. 691.

¹⁹ Ср.: *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. С. 120–121, 539–540; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 111.

²⁰ Compliments Н. П. Павлова-Сильванского в адрес эрудиции авторов поддельного акта девальвирует одно обстоятельство. Русская канцелярская практика не знала документов, характеризующихся как местная или местническая грамота (см., напр.: Терминологический словарь частных актов Москов-

тировал документ совершенно невозможным со всех точек зрения 1298 г., повторив эту датировку дважды.²¹

Время создания поддельного документа Н. П. Павлов-Сильванский определил как «XVII в. или ранее».²² Скорее всего, появление грамоты следует связывать с тем же временем, что и Родословное древо Волынских, концом XVII в., когда в связи с деятельностью Палаты родословных дел по составлению нового официального родословца российского дворянства изготовление фальшивых дворянских родословий, вымышленных разрядов, поддельных и интерполированных грамот с целью доказательства древности рода приняло массовый характер.²³ В доказательствах древности род Волынских не нуждался, но княжес-

ского государства. Пг., 1922; *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962). Кроме того, к местничеству как государственному институту (подробно о нем см.: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 378–401) наш документ приложим весьма условно — он фиксирует порядок сидения бояр в думе нижегородского князя, и смысл ее применительно к истории Волынских понятен, но непонятно другое: кому предназначалась грамота. Документы такого рода теоретически должны были выдаваться получателям-грамотчикам, но наш, к которому, как следует из текста, «руку приложить» должен был не только дьяк, но и сами «думцы», явно к раздаче не предназначался. Станным выглядит даже самоназвание грамоты: «месная». Административная практика называла «местниками» лиц, равных в местническом порядке (наш документ утверждает прямо противоположное, не равенство членов нижегородской думы, а их иерархию), и грамот такого содержания просто не выдавали — существовали так называемые «невместные грамоты», документы временной юрисдикции, наоборот, отменявшие на определенный срок местнические отношения (*Василевская Е. А.* Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. М., 1946. Т. 2. С. 10–12). Словом, рассматривать «месную грамоту» в ряду прочих поддельных частно-правовых актов (см. о них: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. С. 429–440) нет оснований — это скорее памятник публицистики, по форме имитирующий правовой акт. На сомнительность грамоты как источника справедливо указал А. В. Кузьмин, обративший внимание на то, что институт местничества для XIV в. неизвестен (*Кузьмин А. В.* Родословие князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 120–121).

²¹ Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 22.

²² Там же. С. 3, 10.

²³ *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Вопросы источниковедения истории СССР. Труды МГИАИ. Т. 17. М., 1963. С. 404–405.

кое происхождение родоначальника, Д. М. Боброка-Волынского, в чем были уверены его потомки, как помним, документально ничем не подтверждалось.

Кроме документа из судебного дела А. П. Волынского известна еще одна «месная грамота» XIV в. Дмитрия Константиновича, как и первая, не в оригинале, а в списке XVIII в. (1733 г.), впервые изданная И. А. Голубцовым, в которой имя Дмитрия Алибуртовича отсутствует.²⁴ Последнюю В. О. Ключевский считал действительно списком с подлинной грамоты, документ же из судебного дела А. П. Волынского не копией оригинала, а переделкой «в угоду интересам владельца этой копии... Артемия Петровича Волынского».²⁵

Сюжет с «месными грамотами» далеко выходит за рамки настоящего исследования. Сам ли кабинет-министр был причастен к созданию фальсификата или, как полагал Н. П. Павлов-Сильванский, его предки, неясно, но, так или иначе, грамота появилась в среде потомков воеводы и боярина князя Дмитрия Ивановича Донского. Судя по всему, перед Волынскими стояла нелегкая задача подтвердить княжеское происхождение рода каким-нибудь документом, указывающим не на просто выезд родоначальника на Русь с Волыни, о чем и так свидетельствовал Государев родословец и с чем были согласны родословные книги, а на родство с князьями, княжившими на Волыни, которыми могли быть либо Рюриковичи, либо Гедиминовичи — вопрос, который до сих пор волнует историков.²⁶ В каком направлении шло изыскание корней рода, показывает отчество «грамотчика» «месной грамоты» нижегородского тысяцкого князя Волынского Дмитрия — Алибуртович.

Имя Алибурт по форме литовское, чрезвычайно близкое именам сыновей великого князя литовского Гедимина, действительно «сидевших» на Волыни в 1-й половине XIV в., Ольгерда, Наримунта и Любарта Гедиминовичей.²⁷ Исследователи,

²⁴ АСЭИ. Т. 3. С. 335–336.

²⁵ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. С. 120–121, 539–541.

²⁶ Ср.: Кузьмин А. В. Родословие князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 113.

²⁷ Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 88–89.

собственно, и полагали Алибурта «месной грамоты» Любартом, седьмым сыном Гедимины,²⁸ объясняя столь существенную мену в форме написания имени «обрусением» последнего,²⁹ хотя имя Любарт хорошо известно русским летописям именно в таком написании.³⁰ В связи с этим стоит обратить особое внимание на Нижний Новгород как место выдачи «месной грамоты».

Под 6856 г. в летописях помещен рассказ об аресте в Орде по жалобе московского князя Семена Ивановича литовского посла Кориата, брата великого князя литовского, и сопровождающих его лиц, «Михаила и Семена Свислочского и Аикша Киличеевъ», и выдаче их Москве с последовавшим через год возвращением пленных, по челобитной Ольгерда, на родину.³¹ В год возвращения «дружины Литвы» *«присла князь Люборт из Вельня своих боярь къ князю великому Семену (Семену Ивановичу Гордому) ...испросити сестричну его за собе от князя Константина Ростовского»*. Сватовство окончилось успешно, и московский князь *«выдал сестричну въ Вельнь»*.³²

Этот второй известный случай литовско-ростовского брака³³ и одновременно свидетельство контактов Любарта-Алибурта с отцом великого князя Дмитрия Константиновича, будущего тестя Дмитрия Донского (брак московского князя и нижегородской княжны состоялся в 1366 г.), давал в руки Волынских

²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 8–10; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. С. 539–540.

²⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 9.

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 436; Т. 25. М., 2004. С. 173; Т. 26. М. 2006. С. 123 и др.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 58–59; М., 2007. Т. 18. С. 96. Такая конструкция летописной фразы восходит к Троицкой летописи (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 369), и ее надо считать архетипной. Ср.: «Корьяда да Михаила, Семена Свислочского да Акинфа» Московского летописного свода конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. С. 177).

³² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 59. Ростовский князь был женат на сестре Семена Ивановича Марии, и невеста Любарта приходилась московскому князю племянницей по сестре («сестричной»).

³³ Брат Дмитрия Константиновича, князь Борис Константинович, в 1354 г. женился на дочери Ольгерда Марии (Агриппине). См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. СПб., 1891. С. 241.

некую нить, соединяющую нижегородского тысяцкого «князя Дмитрия Алибуртовича» с Волынью. Кроме того, плененный в Москве член посольства Кориата, Михаил летописной статьи 6856 г., если считать его самостоятельным лицом, мог претендовать в глазах поддельщиков «месной грамоты», явно знакомых с летописанием, на роль «отца» князя «Дмитрия».³⁴

Слов нет, намек «месной грамоты» на возможное родство «выезжего с Волыни» воеводы великого князя московского и героя Куликовской битвы с «тысяцким», якобы первенствовавшим в думе великого князя нижегородского, весьма невянтен, но, согласимся, дает широкие возможности для толкования связи вымышленного нижегородского Гедиминовича с реальным Дмитрием Михайловичем Волынскими. Таким образом, скорее всего ссылка на семейную генеалогическую легенду Волынских о княжеском происхождении родоначальника не была личной выдумкой кабинет-министра, а носила устойчивый семейный характер, сложилась не позднее 80-х гг. XVII в. и даже подкреплялась, как видим, пусть и весьма сомнительным «косвенным» документальным свидетельством.

То, что А. П. Волынский знал историю рода по рассказам отца,³⁵ удивления не вызывает — во все века дворяне были озабочены вопросом родословия. Время жизни рассказчика «о его фамилии», отца будущего кабинет-министра П. А. Волынского (он скончался в 1714 г.³⁶), пришлось на два заметных события начала 80-х гг. XVII в.: трехсотлетие Куликовской битвы и почти

³⁴ В издании летописного текста между именами стоит запятая, предполагающая, что речь в рассказе идет о двух разных лицах, но это не факт, и читать, возможно, следует не «Корьяда, Михаила», а «Корьяда Михаила», помня, что князя Кориата Гедиминовича в крещении звали Михаилом (*Wolff J. Rod Gedimina. Krakow, 1886. S. 9, 70–72*). А. В. Кузьмин, пользовавшийся текстом Московского летописного свода конца XV в., где между именами Кориата и Михаила появляется разделительный предлог «да», полагает их разными лицами, считая «Михаила» князем Михаилом Наримунтовичем Пинским (*Кузьмин А. В. Родословие князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 126–127*).

³⁵ Отец кабинет-министра П. А. Волынский не занимал особо высокого положения при государеве дворе, скончавшись в стольниках (*Власьев Г. А. Род Волынских. С. 48–49*).

³⁶ Там же.

совпавшие с ним по времени государственные мероприятия, связанные с составлением официального родословца российского дворянства — Бархатной книги. Оба события должны были особо стимулировать «генеалогическую память» Волынских. Однако, хотя в любом случае желание причислиться к княжескому роду так и осталось нереализованным, происхождение Волынских от брака воеводы с сестрой великого князя сомнению никем не подвергалось.

Сам А. П. Волынский ссылаясь в ходе следствия на два источника, подтверждающих информацию о высоком происхождении рода, причем официальных, государственных, «слышал он о той своей фамилии... от Петра Квашнина Самарина и от Степана Колычева».³⁷

Упомянутые на следствии А. П. Волынским Петр Андреевич Квашнин-Самарин и Степан Андреевич Колычев являлись высшими должностными лицами империи, герольдмейстерами, в этой должности возглавлявшими Герольдию (Герольдмейстерскую контору), созданное Петром центральное государственное учреждение при Сенате, ведавшее делами дворянского сословия. Апеллирование к авторитету высоких чинов было естественным — кому как не герольдмейстерам надлежало знать всю истину о происхождении Волынских. А. П. Волынский признался на допросе, что был вхож в архив государственного учреждения и судил о своих предках «по родословным книгам, имеющимся в Герольдии».³⁸

С. А. Колычев, ставший в 1722 г. президентом Юстиц-коллегии, тогда же указом Петра был назначен первым герольдмейстером Российского государства.³⁹ П. А. Квашнин-Самарин, в конце XVII в. стольник царицы Прасковьи Федоровны, первый русский поэт-лирик,⁴⁰ сделавший в правление царя Петра успешную военную карьеру, в 1731 г. перешел на статскую службу в герольдмейстеры и занимал эту должность

³⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

³⁸ Там же. Л. 119 об.

³⁹ *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 266–267.

⁴⁰ *Салмина М. А.* Квашнин-Самарин П. А. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. С. 154–155.

до 1740 г.⁴¹ О собственных генеалогических и исторических интересах С. А. Колычева и П. А. Квашнина-Самарина ничего неизвестно, но о последнем хотелось бы заметить, во-первых, что родоначальник Квашниных боярин великого князя московского Дмитрия Ивановича И. Р. Квашня (умер в 1390 г.), как и предок Волынских, был героем сражения на Куликовом поле,⁴² и что, во-вторых, потомки боярина И. Р. Квашни, как и отец А. П. Волынского, были носителями семейных преданий. О них, в которых, как и в «месной грамоте» Волынских, смешаны «намеренно и непреднамеренно правда с вымыслом», известно по челобитной 1575 г. предка герольдмейстера Ждана Квашнина, поданной в известном местническом деле последнего с Л. А. Бутурлиным.⁴³ Из дела известно, что в распоряжении предка-местника П. И. Квашнина-Самарина были документы семейного архива.⁴⁴

В связи со ссылкой обвиняемого на мнение герольдмейстеров о происхождении рода Волынских стоит еще раз обратиться к дате снятия копии «месной грамоты» из судебного дела кабинет-министра, 1721 г. («итого сей грамоте по нынешней от создания мира 7229 года, от Рождества же Бога слова 1721 года 423 лета»)⁴⁵. Судя по всему, в этом году грамота, явно изготовленная, и здесь надо целиком согласиться с В. П. Павловым-Сильванским, много ранее, зачем-то понадобилась А. П. Волынскому.

В 1721 г. в России был объявлен общий смотр служилых, царедворцев, офицеров и недорослей,⁴⁶ и явки на смотр записывал С. А. Колычев, несколько месяцев спустя произведенный в первые российские герольдмейстеры.⁴⁷ А. П. Волынский

⁴¹ Телетова Н. К. Первый русский лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 300–301.

⁴² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 266–267.

⁴³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 2007. С. 7, 17.

⁴⁴ Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 63.

⁴⁵ Ср.: «Более детальное исследование, вероятно, объявило бы, почему взята за основу... дата 1721 г.» (АСЭИ. Т. 3. С. 339. Комментарий И. А. Голубцова).

⁴⁶ ПСЗ. Т. 6. СПб. 1830. С. 431–432.

⁴⁷ Анисимов А. Е. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 265–266.

с 1719 г. исполнял должность губернатора Астраханской губернии, но периодически бывал и в столице, во всяком случае, встречался с царем в исходе 1720 г., а 26 октября 1721 г. получил здесь инструкцию и обширный именной указ Петра с перечнем задач по укреплению русского присутствия в крае.⁴⁸ Так что не исключено, что в связи со смотром удачливый полковник предпринял очередную попытку обратить внимание властей на княжеские корни рода, и на этот раз, как и сорок лет назад, при составлении Бархатной книги, не давшую ожидаемого эффекта.

⁴⁸ *Курукин И. В.* Артемий Волинский. С. 62–63.

Глава 3

ВОЕВОДА ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОЛЫНСКИЙ И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Отправной точкой изысканий Волынских относительно высокого происхождения рода стали события 1380 г., года, по мнению потомков Боброка, его выезда с Волыни в Москву и разгрома при его активном участии армией великого князя Дмитрия Ивановича орды Мамаю на Куликовом поле.

Согласно Сказанию о Мамаевом побоище, воевода — едва ли не главный после великого князя герой сражения на Дону, командовавший даже полком двоюродного брата и соправителя Дмитрия Ивановича князя Владимира Андреевича¹ (ил. 8 и 9), хотя в иерархическом отношении он как будто должен был бы находиться на более низкой ступени, чем серпуховской князь.

В интересующее нас время, во второй четверти XVIII в., критическое изучение письменных источников по истории Куликовской битвы, так называемых памятников Куликовского цикла, даже не осознавалось как научная задача.² Задонщина будет открыта только в середине XIX в.,³ изучение летописных повестей начнется приблизительно в это же время. Таким об-

¹ *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. С. 66–67.

² *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306–307; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 5–6.

³ Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. Сообщ. В. М. Ундольский // Временник МОИДР. 1852. Кн. 14. Отд. 2. Материалы. С. I–XI, 1–8.

разом, Сказание о Мамаевом побоище, в котором выдающаяся роль воеводы Д. М. Боброка-Волынского в деле разгрома Мама, подчеркнем еще раз, показана особенно красочно, было в XVII–XIX вв. наиболее известным описанием сражения на Дону, формировавшим представления современников о Куликовской битве и пользовавшимся большим успехом у массового читателя.⁴

Невероятной популярности «Сказания» способствовало то, что кроме широкого распространения в рукописных списках,⁵ именно оно было первым сочинением о Куликовской битве, изданным типографским способом. В 1680 г. в Киеве по благословению архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля вышло третье издание «Синопсиса», расширенное в этом издании рядом отсутствовавших в двух предыдущих вставок, в том числе Сказанием о Мамаевом побоище. «Уже не летопись, но еще не история», «Синопсис» сыграл огромную роль в становлении исторического знания в России,⁶ в том числе и в силу высокой тиражности книги. Исследователи полагают, что 1680-м г. на самом деле датировано три издания, причем второе и третье вышли из печати там же, в Киеве, до конца столетия.⁷ В первой половине XVIII в., уже в Петербурге увидели свет еще три издания «Синопсиса» со Сказанием о Мамаевом побоище,⁸ по инициативе Петра готовился перевод книги на латынь для издания «Синопсиса» в Амстердаме.⁹ Таким образом, к моменту начала судебного процесса над А. П. Волынским Сказание о Мамаевом побоище в редакции «Синопсиса» было опубликовано шесть раз.

⁴ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников... С. 306; Памятники Куликовского цикла. С. 342.

⁵ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 372.

⁶ Пештич С. Н. «Синопсис» как историческое произведение // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 297.

⁷ Маслов С. И. К истории изданий киевского «Синопсиса» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 345–347.

⁸ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 316–317.

⁹ Маслов С. И. К истории изданий киевского «Синопсиса». С. 348.

Современные исследования выяснили, однако, что Сказание о Мамаевом побоище создано много позднее сражения, в конце XV — начале XVI в., а содержащееся в нем описание битвы не отличается исторической достоверностью,¹⁰ но в нашем случае историческая точность не так важна, как тот факт, что именно Сказание о Мамаевом побоище формировало во времена А. П. Волынского у читающей публики представление о Куликовской битве. От глаз А. П. Волынского, кстати, не скрылась разница в наречении воеводы в Сказании о Мамаевом побоище и родословных книгах: «О выедем... Дмитрее Михайлове сыне, который в „Синописе“ написан Волынец, а по родословным книгам написан же оной Волынской».¹¹

Очевидные для человека XVIII в. доказательства огромной роли, сыгранной родоначальником Волынских в деле победы над Мамаем, воинском подвиге воеводы само собой хранились и в библиотеке петербургского дома А. П. Волынского, где следствием были конфискованы несколько экземпляров «Синописа».¹²

Судьи тем не менее, несмотря на, казалось бы, очевидные факты, попытались проверить показания подследственного, отправив из Канцелярии тайных розыскных дел запрос секретарю Герольдмейстерской конторы И. Бушуеву о родословии Волынских, имеющемся в Герольдии. Секретарь представил следствию выписку из «имевшейся в Герольдии родословной книги 7190 году», в которой «в дватцать пятой главе на чetyреста шездесят третьем листе на обороте писан род князя Дмитрия Михайлова сына Волынского Бобраков», ничем не отличающуюся от обычного вида родословия Государева родо-

¹⁰ Памятники Куликовского цикла. С. 198, 200–222; *Петров А. Е.* Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.). К вопросу о моменте трансформации восприятия «места памяти» // *ИЗ. М.*, 2004. Т. 7 (125). С. 44.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 119 об.

¹² *Луттов А. П.* Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. С. 74, 76. «Синопис» имелся в доме А. П. Волынского не в единственном экземпляре (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 20 — показания П. М. Еропкина). Еще один печатный «Синопис» в доме А. П. Волынского числился в библиотеке «служителя» кабинет-министра и его доверенного лица, В. Кубанца (РГАДА. Д. 210. Л. 16; Д. 198. Л. 97–97 об.).

словца,¹³ вроде бы подтвердив этим правоту слов подследственного.

Однако «генеалогические изыскания» судей относительно происхождения рода Волынских этим не завершились. Несмотря на, казалось бы, прямое подтверждение «высокого родства» предка Артемия Петровича, следствие упорно, вопреки всему продолжало считать, «что прямо ты роду одного Волынца... того ни по чему не усмотрено, понеже... своевољством своим... вздумал чрез многия прошедшия годы, ко оному причитаясь»,¹⁴ «к такому роду причитался с предерзости своей».¹⁵ С особым пристрастием на этот счет допрашивался архитектор М. П. Еропкин, человек энциклопедической учености, в том числе в области истории и генеалогии.¹⁶ Последний под пыткой показал, что «в родословных книгах видел, что от князя Дмитрея Волынца с московского великого князя княжною Анною хотя дети и были, однако же написано в родословных книгах... что та линия присклась, а имелись тово Волынца дети с первою ево женою, от которых... и род Волынских пошел», и в таком случае сам кабинет-секретарь «по оным родословным книгам... великой княжне Анне ни по чему в свойстве». Эти, содержащие отличную от прочих информацию о роде Волынских «иные родословные книги», каковые, как помним, существовали на самом деле, П. М. Еропкин «видел... тому лет з десять в Москве, а у кого... не упомнит, також и... в Санктпитебурхе ... а у кого не упомнит»,¹⁷ что неудивительно, судя по всему, речь идет о неких списках родословия Волынских в составе частных редакций родословных книг, например, так называемой Патриаршей,¹⁸ подчеркнем, не носивших официального характера. На вопрос следствия, почему гоф-бау-интендант «не явил» кабинет-ми-

¹³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–4; Д. 210. Л. 39 об.

¹⁴ Там же. Д. 199. Л. 129.

¹⁵ Там же. Л. 186–186 об.

¹⁶ Обучавшийся в 1716–1723 гг. в Италии архитектурному делу П. М. Еропкин изучал также историю и латинский язык (*Карпов Г. М.* Архитектор Петербурга Петр Михайлович Еропкин // ВИ. 2011. № 2. С. 132).

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 18 об.

¹⁸ *Кузьмин А. В.* Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброека-Волынского. С. 112.

нистру об истинном происхождении рода, последний показал, что не сделал этого, «бояся, чтоб того... Волынской за противность не принял, понеже оной неоднократно ему говаривал, что он той великой княжне родственник, и от того корень роду их пошел».¹⁹

Таким образом, А. П. Волынский был и, повторимся, небезосновательно, памятуя степень изученности вопроса в 40-х гг. XVIII в., уверен в собственном высоком происхождении, ставшим своего рода прологом для пристального интереса кабинет-министра, едва ли не первого в России, к событиям Куликовской битвы и к самому месту сражения — Куликову полю, следы чего остались в конфискованном в 1740 г. архиве опального вельможи.

Особое внимание следствие уделило трем «музейным объектам», обнаруженным в петербургском доме Волынского, казалось бы, к политике не причастным: прорисовке сабли, найденной на Куликовом поле; картине с изображением родословного древа Волынских, воеводы Боброка и его жены, великой княжны Анны; а также литературному произведению с описанием битвы 8 сентября 1380 г. и взаимоотношений великого князя и его воеводы и боярина. Собранный под одной обложкой с выписками по родословию кабинет-министра, полученными следствием из Герольдии, комплекс документов, озаглавленный «По делу Артемья Волынсково № 18 о взятые из Герольдмейстерской конторы родословной книги и протчего»,²⁰ послужил «вещественным доказательством» преступных замыслов обвиняемого.

В итоге все три предмета дали основание сформулировать три (38, 39 и 41) пункта обвинительного заключения по делу кабинет-министра.²¹ Каждый из них заслуживает специального рассмотрения.

¹⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 19 об.

²⁰ Там же. Д. 211. Л. 10–42

²¹ Там же. Д. 208. Л. 30–31.

Глава 4

САБЛЯ С КУЛИКОВА ПОЛЯ

В составленной по указанию императора Николая I графом Д. Н. Блудовым «Записке об Артемии Волынском» (1831 г.) отмечено, что кабинет-министр «хранил у себя найденную на Куликовом поле саблю, к которой сделал... надпись», желая «оставить» ее «детям на память участия их родоначальника в Куликовской битве».¹ Изданная более четверти века спустя «Записка» стала первой публикацией с упоминанием находки.

На самом деле следствие обнаружило в доме А. П. Волынского на Английской набережной в Петербурге, построенном для него П. М. Еропкиным между 1732 и 1738 гг.² (ил. 10), не только саму саблю, никакого интереса у следствия не вызвавшую, но также ее прорисовку на бумаге с надписью, которую предполагалось нанести на реликвию Куликовской битвы.³

«Лист» с рисунком надписи бы предъявлен следователями императрице Анне Иоанновне, которая «соизволила отдать им, генералу и тайному советнику (руководителям следствия А. И. Ушакову и И. И. Неплюеву. — *А. Л.*), для сообщения к делу, понеже о том (преступных умыслах А. П. Волынского. — *А. Л.*) ...о сабельной полосе... по оному делу явствует... И оной рисунок сабельной полосе... сообщен к сему».⁴ Таким образом, про-

¹ Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 146, 149. См. о ней: *Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 9.

² *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII в. СПб., 1887. С. 166.

³ Публикуется в Приложении I.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 211. Л. 56.

рисовка сабли по воле императрицы стала «вещественным доказательством» в деле кабинет-министра.

В начале прошлого века Н. П. Павлов-Сильванский воспроизвел «криминальную» надпись на прорисовке сабли, приписав ее, правда, как и ранее Д. Н. Блудов, самому кабинет-министру. Одна сторона сабли, как выяснил исследователь по документам следствия, была отшлифована для нанесения надписи, последняя же вроде бы так на оружие перенесена и не была.⁵ Итак, рисунок из следственного дела являет собой эскиз неосуществленного замысла Волынского, призванного придать находке с Куликова поля мемориальный характер.

Все известные ныне сведения о предметах вооружения, найденных на месте Куликовской битвы, относятся только к XIX в.⁶ Последние обнаруживают и по сей день (ил. 11). Саблю, хранившуюся в петербургском доме А. П. Волынского, должно считать старейшей документированной реликвией «Донского побоища».

Надо сказать, что сам клинок, возможно, и не имеет прямого отношения к Куликовской битве. Прорисовка, сделанная в размер оригинала, представляет сабельную полосу без верхней части, форма и размеры которой заставляют подозревать, что оружие относится к более позднему времени.⁷ Среди образцов вооружения, найденных в XIX в. на Куликовом поле, таковые попадались неоднократно:⁸ здешние места в XVI–XVII вв. не раз становились районом как боестолкновений с крымскими татарами, так и сражений эпохи Смутного времени.⁹ Но в исторической памяти современников А. П. Волынского и его самого Куликово поле ассоциировалось с единственным сражением —

⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 17–18.

⁶ Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. (Труды ГИМ. Вып. 73). С. 72; Наумов А. Н., Наумова Т. В. Находки с Куликова поля XIX — 30-х гг. XX в.: их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 148–180.

⁷ За определение благодарю О. В. Двуреченского, считающего, что сабельная полоса, скорее всего, датируется XVI–XVII вв.

⁸ См., например: Троцкий Н. И. Берега Непрядвы... С. 10–11, 13–14.

⁹ Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. С. 40–42, 84–85, 138, 173–174.

Мамаевым побоищем XIV в., поэтому неудивительно, что иные датировки найденного оружия даже не приходили в голову.

Судьи постарались выяснить, каким образом сабля с Куликова поля попала в дом кабинет-министра, очевидно рассчитывая поймать подследственного на лжи, а легенду о происхождении сабли считая его выдумкой, преследующей политические цели.

О происхождении сабли в доме А. П. Волынского были осведомлены далеко не все. «Человек» кабинет-министра В. Завидовский объявил, например, «что она в доме Волынского тому лет з 10, а слышал от него, Волынского, что найдена на Куликове поле, а кто... нашел и к нему привез, он... не известен».¹⁰ Но нашлись и те, кто знал о происхождении сабли все буквально в деталях, и прежде всего, разумеется, сам кабинет-министр.

Допрошенный, в том числе по поводу сабли, А. П. Волынский показал, что *«наперед сего слышал он... что на Куликовом поле, где была с Мамаем баталия, находятца тогдашняго времени ружье (оружие. — А. Л.) и протчие нетленные вещи, которые из земли вытапывают временно (время от времени. — А. Л.) и донныне. И так он... в 732м году для осматривания конюшенных заводов был в городе Богородицком, который блиско онаго Куликова поля имеетца, и в то де время в том городе при конюшенных заводах был управитель Яков Суровцов, которой ему объявил, что такие ружья находятца. И он де (Волынский. — А. Л.) просил ево (Суровцева. — А. Л.), ежели такую целую вещь найдет, чтоб прислал к нему»*. «Найденные на оном поле тесак да медная чернильница... имеютца у него ныне в Санкт-Питербурхе в доме, на котором тесак намерен он был... надпись написать в таком... виду, что... родственник ево... Дмитрией Волянец на означенном поле на баталии был с пришедшим... вспомогательным войском, которой (тесак. — А. Л.) почитал он... за диковинку и хотел оной с тою надписью оставить для памяти детям своим».¹¹ Гордясь обретенной реликвией, Волынский

¹⁰ Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008. С. 189–191; См. также: Шелковникова Е. Д., Ефимов С. В. Старинное оружие в России: историко-правовое исследование. СПб., 2010. С. 43.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120–120 об.

«всегда публично ...казывал саблю старинную всем, которая найдена на Куликовом поле и прислана от управителя Суровцева с тех мест... которой управителем ...бывал в волостях».¹²

Город Богородицк, основанный в 1663 г. в верховьях Дона, «верх речки Уперты», в Дедиловском уезде,¹³ находился всего в двадцати верстах от Куликова поля (ил. 12). С начала XVIII в. здесь действовал казенный конный завод, подведомственный Конюшенной канцелярии, отданной в управление будущему кабинет-министру в 1732 г., в связи с чем последний и принял в этом году поездку по конским заводам, включая Богородицкий.¹⁴ В дальнейшем конское поголовье Богородицкого завода выросло с 14-ти жеребцов в 1732 г. («а кобыл ни одной нет») до 262-х в 1739 г.,¹⁵ превратившись стараниями Волынского в процветающее предприятие.

Из показаний кабинет-министра понятно, что, во-первых, находки вооружения делались на Куликовом поле и до его приезда в 1732 г. в Богородицк, о чем и сам руководитель ведомства, никогда ранее в этих местах не бывавший, и «управитель» Богородицких конных заводов Я. Суровцев были хорошо осведомлены, и что, во-вторых, «тесак и чернильницу», очевидно, осознавая их мемориальную ценность, не названный по имени в деле находчик не выбросил, а держал у себя. Таким образом, историческое прошлое Куликова поля, равно как и само место битвы, для современников А. П. Волынского не было тайной.

На допрос в следственную комиссию был вызван подчиненный А. П. Волынского по Конюшенной канцелярии секретарь П. Муромцев. По поводу сабли секретарь показал, что кабинет-министр действительно получил реликвию Куликовской битвы «из города Богородицкого от управителя маэора Якова Суровцева выпаханную на Куликовом поле ... а ныне то поле пашут богородицкие крестьяне».¹⁶ Далее секретарь показал, что одной саблей дело не ограничилось. «В прошлом 739-м году послал

¹² Там же. Д. 198. Л. 28.

¹³ Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. С. 192.

¹⁴ Зезюлинский Н. Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб., 1893. С. 42, 53.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1190. Л. 3 об., 17 об.–19 об.

¹⁶ Там же. Д. 216. Л. 20.

оной Волынской в город Богородицк к управителю подпоручику Потресову ордер, в котором писал, *чтоб объявить тамошним крестьяном, ежели кто из них на Куликовом поле будут находить некие старинные всякие вещи, бердыши, сабли и прочее, чтоб то находимое объявляли ему, Потресову, а он бы... приняв от них то находимое, платил бы на того Волынского щет за каждую вещь по пяти рублей и присылал оное к нему ... а он по получении платить будет деньги*¹⁷ (ил. 13).

Подтверждая слова П. Муромцева, аналогичные показания следствию дали другой секретарь Конюшенной канцелярии В. Гладков и адъютант кабинет-министра И. Родионов.¹⁸ Сабля через служащих Конюшенного ведомства была уже после отъезда А. П. Волынского из Богородицка переправлена в Москву, где размещалась Конюшенная канцелярия; из старой столицы в Петербург, в дом кабинет-министра ее перевез некий «афицер», присланный А. П. Волынским специально за саблей в Москву.¹⁹

Как видим, последнего не только живо заинтересовала «мемория» Куликовской битвы. Кабинет-министр — человек, конечно же, не бедный, был готов платить деньги, и немалые, за другие находки, которые будут сделаны на месте сражения. Пять рублей для эпохи Анны Иоанновны составляли весьма серьезную сумму. Ежегодная подушная подать для всех категорий крестьян равнялась 74 копейкам с души мужского пола, и кроме нее богородицкие крестьяне, приписанные к Конюшенной канцелярии, платили ежегодно еще, как чернососные, 40 копеек.²⁰ Следовательно, установленное А. П. Волынским вознаграждение за будущую находку почти пятикратно превосходило ежегодный государственный налог, платившийся местными крестьянами.

В отчетах Конюшенной канцелярии по Богородицкому заводу отмечалось, что «при том городе (Богородицке. — А. Л.) покосных лугов нет» и приписанные к заводу крестьяне «косят... в своих полях и степях и между распашных земель»,²¹ «степь»

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 216. Л. 38.

¹⁸ Там же. Л. 54 об.—55; Д. 214. Л. 10 об.

¹⁹ Там же. Д. 215. Л. 34.

²⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 7. С. 311, 316.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 215. Л. 73.

как место находки реликвии указана также в проекте надписи (Приложение 1). Исторический ландшафт места сражения XIV в. в 1-й половине XVIII в., надо думать, включал в себя участки с сохранившейся степной растительностью, кое-где уцелевшие и до наших дней.²² Если покосы приписанных к Конюшенной канцелярии богородицких крестьян действительно находились в «степях», т. е. на непахатных участках Куликова поля, это объясняет, как управитель Богородицкого завода узнал о существовании находок оружия на месте битвы с Мамаем.

Сабля с Куликова поля, как помним, оказалась объектом пристального интереса исключительно в силу причастности к политическим обвинениям, выдвинутым судьями А. П. Волынскому, но не исключено, что это была не единственная «мемория» битвы 1380 г. в доме кабинет-министра. В «Щетной выписке пожиткам», подлежащему продаже конфискованному движимому имуществу казненного, значится еще один образец давно выбывшего из употребления оружия, «в футляре красном суконном *старинное копьё рогатинное*»,²³ явно хранившееся как некая семейная реликвия, да еще в специально сделанной коробке или чехле. Не исключено, что в доме А. П. Волынского существовали и какие-то иные предметы вроде упомянутой в деле таинственной «медной чернильницы», связанные с местом битвы на Дону, но следствие не заинтересовавшие.

Возможно, богородицкие крестьяне не были единственными «поставщиками» реликвий Куликовской битвы и сведений о находках на Куликовом поле. Допрошенный в качестве свидетеля по делу Волынского секретарь Конюшенной канцелярии П. Муромцев имел однородцев и, возможно, родню среди землевладельцев Куликова поля, причем именно той его части, что примыкала непосредственно к месту сражения 8 сентября 1380 г. Помещиками Епифанского уезда, включавшего земли Куликова поля, в 1710 г. показано трое Муромцевых, причем один из них

²² Волкова Е. М., Шереметьева И. С. Состояние растительного покрова на охраняемых природных территориях Куликова поля // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Вып. 2. Т. 1. С. 30–31.

²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 234. Л. 46 об.–47. Рогатина — копьё с длинным и широким обоюдоострым наконечником, применявшееся как боевое и охотничье оружие (Сл. РЯ XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 22. С. 176).

владел д. Журихино (современные Журишки на Дону немного ниже впадения Непрядвы), а другой — д. Татинки²⁴ у знаменитого брода через Дон, которым по преданию воины Дмитрия Ивановича следовали к месту сражения.²⁵

Как помним, в доме А. П. Волынского найденной на месте битвы с Мамаем сабле надлежало занять почетное место семейной «мемории», получив надпись, содержащую сведения о месте находки и связи событий 1380 г. с историй рода Волынских. Практика мемориализации исторических реликвий посредством нанесения на них соответствующих надписей существовала, во всяком случае, с петровского времени. Так, избежавшее по указу царя Петра переотливки оружие работы знаменитого «литца» Царь-пушки А. Чохова, изготовленное им в 1605 г., в короткое правление самозванного царя Лжедмитрия I, было не только сохранено, но и снабжено надписью «Великий государь по имянному своему указу сего мортира переливать не указал 1703 году».²⁶

Работы по нанесению надписи очевидно предполагалось выполнить силами «людей» А. П. Волынского. Среди многочисленной дворни кабинет-министра имелся даже штат собственных оружейников, «при оружейном деле 12 человек», включая «рисовального подмастерья и к ружью отделщика» И. Пермяка.²⁷ Возможно, последнему и было поручено превратить саблю с Куликова поля в семейную реликвию, поместив на отполированной стороне надпись, для чего и был изготовлен оказавшийся в распоряжении следствия эскиз.²⁸

Повторимся, сама реликвия следователей совершенно не интересовала — интересовала надпись, и истории ее появления судьи уделили самое пристальное внимание, допросив на этот пред-

²⁴ РГАДА. Ф. 250. Оп. 1. Д. 117. Ландратская перепись Епифанского уезда 1710 г. Л. 231–235, 243.

²⁵ Среди помещиков и вотчинников Куликова поля «туляня» Муромцевы известны с 20-х гг. XVII в. См.: Куликово поле: документы по землевладению XVII в. // Источники по истории Куликова поля. Вып. 1. Тула, 1999. С. 45, 53, 112, 114.

²⁶ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. 1. (XV–XVII ст.). С. 116–117.

²⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 211. Л. 12.

²⁸ Там же. Л. 58–60.

мет как самого А. П. Волынского, так и П. М. Еропкина (ил. 14). Как следует из допросных речей, «в прошлом 739м году в июле или в августе» кабинет-министр показывал своему «конфиденту» «в доме своем... полосу сабельную старинную... и говорил, что... де на той полосе хочю подписать. И, взяв лист и бумагу ... своею рукою написал... таковыми речми: *От сотворения мира в таком году, а от Рождества Христова в таком году великий князь Московский Дмитрий Иоаннович по прозванию Донской победил со многочисленным воинством крымского хана Мамаю. А при том с помощными войсками великому князю Московскому... был князь Дмитрий Михайлович Волынской, за которого после победы выдал сестру свою благоверную великую княжну Анну, от которых... фамилия Волынских начало свое восприяла. А в таком то году оная полоса сыскана на Куликовом поле, где та баталия была*». Ознакомившись с проектом надписи, П. М. Еропкин заметил А. П. Волынскому, что «весьма пространно написано» и надпись в таком виде на полосе «уместить не можно» и следует сделать ее «на три или на четыре покроче», после чего кабинет-министр и перепоручил задачу гоф-бау-интенданту, оговорив, что надпись должна быть «в той же силе», т. е. того же содержания.²⁹

Далее П. М. Еропкин по требованию следствия по памяти воспроизвел четыре предложенных им варианта надписи на сабле, все «в той же силе», один из которых и послужил основой для эскиза (см. Приложение 2). Принципиальных отличий в содержании с окончательным вариантом они не содержат, за исключением выпавшей из последнего существенной детали, даты находки сабли, 1736 г. (ил. 15).

В итоге разбирательства сюжета о сабле пункт 41 обвинительного заключения против Волынского был сформулирован следующим образом: «Он же... в 739 году в доме своем... показывал полосу сабельную старинную и заржавленную и говорил, что эта полоса сыскана на Куликовом поле, где у великого князя Дмитрия Иоанновича был бой с Мамаем». Далее обвинение воспроизводило «речи» на сабле, которые кабинет-министр хотел «подписывать» как доказательство «свойства» с российским

²⁹ Там же. Д. 201. Л. 15 об.–16 об.

правлящим домом, что, по мнению следователей, указывало на преступные замыслы обвиняемого в захвате власти.³⁰

После казни Волынского сабля, как и прочее имущество «государственного преступника», была описана комиссией «кампара Федора Лопухина бытности его у приему и у приготовления к продаже описанных пожитков», оценена в один рубль и осенью 1740 г. выставлена на торги. Покупателя на драгоценную для Волынского реликвию так и не нашлось, несмотря на то, что среди посетителей аукциона и приобретателей конфискатов был, например, историк В. Н. Татищев.³¹ В итоге саблю отослали назад в Тайную канцелярию с припиской в «Щетной ведомости»: «*по оценке безденежно*».³²

Дальнейшая судьба старейшей реликвии Куликова поля неизвестна. После реабилитации А. П. Волынского единственной наследнице казненного кабинет-министра, его дочери М. А. Волынской, указом императрицы Елизаветы Петровны в 1759 г. вернули «отписные... вещи» отца, избежавшие распродажи остатков имущества семьи.³³ Была ли среди них не нашедшая своего покупателя сабля, источники не сообщают.

³⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 208. Л. 31–31 об.

³¹ Курукин И. В. Артемий Волынский. С. 364.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 234. Л. 44 об.–45.

³³ Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. С. 265.

Глава 5

КАРТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА ВОЛЫНСКИХ

Сабля, найденная на Куликовом поле, как помним, являлась, по мнению следствия, не единственным предметным доказательством преступных планов кабинет-министра. Рядом с ее пропиской в «Деле № 18» оказался карандашный рисунок, также связанный с генеалогическими и историческими интересами подследственного. На нем изображено родословное древо Волынских с фигурами стоящих справа и слева от ствола «родоначальников»: воеводы великого князя Дмитрия Ивановича и героя Куликовской битвы Д. М. Боброка-Волынского и его супруги, великой княжны Анны Ивановны (ил. 16).

А. П. Волынский показал на следствии, что хотел украсить свой петербургский дом живописным полотном с изображением родословного древа Волынских, «а... под деревом» поместить «две персоны... Дмитрия Волынца и княжны Анны». Инициатором идеи был сам кабинет-министр, «к написанию оной... вздумал он... от себя»; предполагалось, что картину напишут в двух экземплярах, «и к брату своему Ивану Волынскому такову ж картину... послать хотел».¹ Как и в истории с саблей, где основным предметом интереса следствия стала не собственно находка оружия на Куликовом поле, а планировавшийся к написанию на ней текст, картина также интересовала судей не сама по себе, а как доказательство «преступных замыслов»

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

обвиняемого. Их усмотрели в помещенных на рисунке гербах, которых два: самого Волынских — в виде креста, в данном случае усваиваемый родоначальнику воеводе Д. М. Боброку-Волынскому,² и княжны Анны Ивановны — двуглавый орел «под императорскою короною», т. е. герб Российской империи.

Следователи расценили такое соседство частного и государственного гербов как самовольное причисление себя кабинет-министром к особам императорского дома.³ Вырвав на следствии у одного из фигурантов дела, А. Ф. Хрущева, показания о том, что «картину родства своего ... с императорским гербом» подследственный вдобавок ко всему «хотел... печатать и розсылать как в России, так и в другие государства»,⁴ ее сочли серьезной уликой, а замысел картины — государственным преступлением.

На обороте рисунок сопровождает удостоверяющая надпись: «Таковым манером, как выше явствует, к написанию картины роду Артемья Волынского архитектором Петром Еропкиным по приказу ево, Волынского и по общему с ним, Волынским, совету нарисовано было против сего, точно так как на сем листу им, Еропкиным, нарисовано и роду онаго Волынского написано было, в чем и подписуюсь своею рукою. Петр Еропкин. Мая 16 дня 1740 году».⁵

Таким образом, в следственном деле оказалось рисованное П. М. Еропкиным в застенке по памяти изображение несохра-

² Первым из Волынских родовой герб в Герольдии «явил» во второй половине XVIII в. однорodeц кабинет-министра З. Е. Волынский (*Тройницкий С. Н.* Гербовник Анисима Титовича Князева. М., 2008 (репринт изд. 1912 г.). С. 52), и этот же герб Волынских позже был внесен в 4-ю часть Общего гербовника Российской дворянства (Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1798. Ч. 4. С. 32). Помещенный на рисунке «герб» воеводы Д. М. Боброка-Волынского ничем от них не отличается и представляет собой исторический герб Волыни (*Фон-Винклер П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 г. СПб., 1899. С. 179), известный едва ли не с конца XIV в. (См., например: *Гулецкий Р.* Монеты белорусской старины. Минск, 2007. С. 52–53).

³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

⁴ Там же. Л. 209–209 об.

⁵ Там же. Д. 201. Л. 42 об.

нившейся картины. самого полотна в распоряжении следствия не было. Судя по всему, в ходе обыска дома его не обнаружили, хотя в какой-то момент почти готовое Родословное древо Волынских уже находилось в петербургском доме кабинет-министра, где его видели адъютант А. П. Волынского И. Родионов и Ф. А. Соймонов,⁶ а ассессор Конюшенной канцелярии В. Десятов даже указал следствию место в доме на Английской набережной, где в какой-то момент картина уже висела, «перед спальнею ево (А. П. Волынского. — А. Л.)», хотя, как показывал ранее и сам хозяин дома, в «крушках», предназначенных для вписывания имен предков, в тот момент по-прежнему «ничего написано не было».⁷

Куда и в какой момент исчезла картина — неясно. Возможно, ее постигла судьба набросков к политическим проектам, которые А. П. Волынский успел уничтожить до обыска,⁸ и переписки кабинет-министра с некоторыми «конфидентами», уничтоженной последними накануне начала процесса.⁹ Во всяком случае, между обыском в петербургском доме подследственного в преддверии его ареста и началом следствия, отмеченным запретом кабинет-министру являться ко двору и фактически означавшим опалу, прошло не менее десяти дней.¹⁰

На одном из допросов Волынский показывал, что «картина родства своего ... возрастающего древа с сучьями, на которых крушки... а в ...крушках приказывал он... написать токмо роду своего имяна мужескаго полу, також и себя, сына своего... в совершенство не приведена... а та картина у него... в доме или у живописца Григорья Теплова имеетца, того не упомнит... а рисовал к написанию той картины на бумаге для обрасца... Петр Еропкин».¹¹ Следовательно, П. М. Еропкину принадлежал первоначальный эскиз полотна, который многократно демонстрировался гостям дома («тое картину он... многим объявил и по-

⁶ Там же. Д. 203. Л. 20 об.; Д. 214. Л. 10 об.—11.

⁷ Там же. Д. 215. Л. 44 об.—45.

⁸ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел»... С. 2–4.

⁹ Так кабинет-секретарь И. Эйхлер успел сжечь письма Волынского буквально перед арестом (Курукин И. В. Артемий Волынский. С. 12).

¹⁰ Корсаков Д. И. Из жизни русских деятелей XVIII в. С. 320–322.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

казывал, как хотел ее писать»¹²), Григорий Теплов же был только исполнителем замысла гоф-бау-интенданта. Неудивительно, что именно у П. М. Еропкина, а не у «живописца» следователи потребовали воспроизвести исчезнувшее полотно.

Кроме Г. Теплова в судьбе картины, по словам кабинет-министра, как будто бы участвовал еще один «живописец», на этот раз аноним. Поскольку Г. Тепловым, по мнению заказчика, «персоны князь Дмитрея Волынца и великой московской княжны Анны... не в пропорции были написаны», А. П. Волынский, согласно его же показаниям следствию, «призывал к себе живописца иноземца, имени и прозвища... не знает, который живет... в старом Зимнем дворце, и говаривал де ему ...через переводы Петра Еропкина, лекарева Лештока Паганькина, капитана Ивана Родионова, понеже... он... по-русски говорить не умеет, чтоб он... написанные ...две персоны изобразил поискуснее, что... оной иноземец и учинил. И притом без приказы ево, Волынского, собою написал вместо короны и герба Великого княжества Московского под императорскою короною. И видя то, что то неприлично написано, велел он... Теплову помарать и вместо того написать, как прежде написано, что он, Теплов, и учинил».¹³

В чем заключался, по мнению следствия, «криминал», видно из рисунка П. М. Еропкина. Герб Великого княжества Московского — всем хорошо известный «ездец», на полотне же, судя по рисунку гоф-бау-интенданта, композицию действительно венчает императорский орел (ил. 17).

На допросе А. П. Волынский сначала выставил инициатором изображения императорского герба П. М. Еропкина («то... Еропкин нарисовал»), но позже признался, что сделано все «по общему... с тем Еропкиным совету», и даже объяснил, откуда Г. Теплов взял изображение государственного герба: кабинет-министр собственноручно вручил «живописцу» отрезанный от «пакета» оттиск кабинетной печати императрицы Анны Иоанновны, «чтоб против того точно нарисовал».¹⁴ На вопрос судей, «для чего... таким самозванецким образом... император-

¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

¹³ Там же. Л. 188–188 об.

¹⁴ Там же. Л. 198–198 об.

ской герб на картине... себе присвоил... оной Волынской никакова ответу не дал и не отвечивал».¹⁵

Дальнейший интерес следствия к картине переключился на автора эскиза, гоф-бау-интенданта. В его изложении рождение замысла полотна выглядело пространнее, чем у кабинет-министра. Именно А. П. Волынский, по словам последнего, «призывал к себе живописца Григорья Теплова и... говорил ему, чтоб он на бумаге нарисовал в препорцию большое дерево, а внизу... персоны..., а имянно князь Дмитрий Волынской в польском платье и с усами, а московскую великую княжну в русском платье чтоб он, Теплов, нарисовал»,¹⁶ участие же П. М. Еропкина свелось к обсуждению с заказчиком («обще разсуждали»), «как назначить оного князь Дмитрея Волынского и великой княжны знатность и порядок», причем последний всего лишь «советовал... что их надлежит написать: князь Дмитрея Волынца под польским верхним платьем в латах и шапку с пером, а в руках палку в знак воинской команды, а при великой княгине гениум в образе агтела, держащую Великого княжества Московского корону. И Волынской сказал, что это хорошо будет. И он де, Еропкин, оное на бумаге нарисовал».¹⁷

Свой личный вклад в замысел картины, в целом принадлежащий А. П. Волынскому, П. М. Еропкин ограничил тем, что предложил, по его словам, добавить к Родословному дереву и двум фигурам «родоначальников» «педесталь с надписью... а по бокам того педесталья собою он... нарисовал... прикованных на цепях дву турок в знак бывшей на Куликовом поле победы» и здесь же поместить изображение «обыкновенной ево (А. П. Волынского. — *А. Л.*) печати, которую называл он... гербом», и только сверху нее — императорский герб. Эскиз, подготовленный П. М. Еропкиным, был отдан Г. Теплову, который, в свою очередь, «против ево, Еропкина, рисунка все на полотне написал»; незаполненными остались лишь «крушки», предназначенные для имен, отсутствовала и надпись на «педестале». На последнем «какой надписи быть... оной Волынской не обя-

¹⁵ Там же. Л. 199.

¹⁶ Там же. Д. 201. Л. 17.

¹⁷ Там же. Л. 17–17 об.

вил», но о чем сам же и сообщил гоф-бау-интенданту, «хочет написать, из «Синописа» выбрав, о Мамаевом побоище, о великом князе Дмитрее Иоанновиче Донском и о князе Дмитрее Волынском».¹⁸

Этот любопытный рассказ о рождении замысла «исторического полотна» и образов современников Куликовской битвы П. М. Еропкин дополнил объяснением появления на нем императорского герба. «А... императорской герб к фамилии ево ...присовокуплен со общаго с ним, Волынским... согласия для того, что... говорил, что по супруге... московской великой княжне Анне московскому великому князю ...он... свойственник, понеже оной великой княжны супруги... он родственник».¹⁹ Признав, что герб появился на картине по недомыслию («не осматрясь с глупости»), гоф-бау-интендант опроверг и другое показание своего патрона — о причастности к появлению и криминального герба, и картины в целом анонимного иноземца-«живописца»: «Другова ничего кроме живописца Григорья Теплова другим живописцем никому Волынской никогда не приказывал и чтоб кроме Теплова другой кто оную картину писал или переправлял... он не слыхивал и не знает».²⁰

Третьим, кто дал показания о гербе, был «домовый служитель» Волынского, его доверенное лицо В. Кубанец (Кубанцов). Попавший в дом Волынского еще ребенком в пору губернаторства будущего кабинет-секретаря в Астрахани (1719–1725 гг.) слуга кабинет-министра, не крепостной и не вольнонаемный («неукреплен и в подушный оклад не положен»²¹), не только заведовал библиотекой и архивом обвиняемого,²² но и присутствовал при конфиденциальных разговорах и обсуждениях проектов кабинет-министра, принимая в них как будто совершенно не соответствующее его «служебному» статусу участие.²³

Согласно показаниям последнего, на картине «сперва был написан герб под императорскою короною, только он (Волын-

¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 17 об.–18.

¹⁹ Там же. Л. 18–18 об.

²⁰ Там же. Л. 23–23 об.

²¹ Там же. Д. 198. Л. 107 об.

²² Там же. Д. 203. Л. 8.

²³ Там же. Д. 199. Л. 127 об., 128 об.–129. Ср.: *Готье Ю. В.* «Проект о поправлении государственных дел»... С. 7.

ский. — А. Л.) ...отменил, а написал княжеский герб Московской... и приказал тот герб под императорскою короною замарать и вместо того герб Московского княжества написать».²⁴

Так это было или нет, но на карандашном рисунке П. М. Еропкина над гербом Д. М. Боброка-Волынского запечатлен императорский орел, а не московский «ездец», самой же картины, повторимся, в распоряжении следствия не было. В итоге, несмотря на все ухищрения и оправдания подследственных, казалось бы, по их словам, самих же исправивших «погрешность», а также отсутствие самой картины, А. П. Волынскому было инкриминировано ни более ни менее как присвоение своей «фамилии» императорского герба, что, по мнению следствия, считалось доказанным и о чем свидетельствовал карандашный рисунок гоф-бау-интенданта в следственном деле. Пункт 39 обвинительного заключения гласил, что кабинет-министр «написал о роде своем картину... дерево с ветвями, а внизу того дерева персоны... а сверх... императорский герб, двуглавого орла со всеми ...клейнотами против кабинетной печати».²⁵ В печатном манифесте от 7 июля 1740 г. этот пункт обвинения подчеркнут особо: «Дерзнул бессовестно наши государственные гербы (так. — А. Л.) к себе присвоять и незаконно к высокой нашей императорской фамилии свойством себя причитать».²⁶ Собственноручно сделав эскиз и передав его следствию, архитектор признал таким образом свою «вину».

Сам по себе сюжет с картиной в следственном деле любопытен по многим причинам. Несохранившееся живописное Родословное дерево Волынских представляет несомненный интерес для истории русской живописи послепетровского времени.

Материалы следствия, во-первых, дают возможность заглянуть в «творческую лабораторию» заказчиков одного из ранних исторических полотен, озабоченных воспроизведением внешнего облика людей прошлого. Как видим, он был придуман буквально «на ходу», а не стал результатом неких иконографических изысканий. Такое «вольное» обращение с историческими

²⁴ Там же. Д. 198. Л. 65–65 об.

²⁵ Там же. Д. 208. Л. 30 об.

²⁶ Цит. по: *Курукин И. В.* Артемий Волынский. С. 14.

образами прошлого было характерно для современников А. П. Волынского. Дважды в 1-й четверти столетия известные граверы петровской эпохи — в 1717 г. П. Пикар и в 1725 г. А. Зубов — делали гравюры, соответственно, царя Петра и императрицы Екатерины Алексеевны в окружении совершенно фантастических портретных изображений великих князей и царей,²⁷ такая же гравюра с изображением Анны Иоанновны был изготовлена в 1731 г.²⁸ притом что, во всяком случае, для некоторых из них существовали возможные прототипы, миниатюры Титулярника 1673 г., столь же в большинстве своем фантастические, но тем не менее не придуманные граверами XVIII в.²⁹

Первым, похоже, вопросом правдоподобия внешнего облика исторических личностей озаботился М. В. Ломоносов, но случилось это много позднее «дела» А. П. Волынского, только в 1760 г. В этом году ученый представил в канцелярию Академии наук рапорт с предложением «о посылке в древние ...города собрания российской иконологии бывших... государей... чтоб имеющиеся в церквах изображения... иконописною и фресковою работою... снять точные копии... и для того... послать нарочного из академии живописца».³⁰ Для организации «иконологической экспедиции» был выбран «рисовальный учитель» А. Греков, но академическая поездка так и не состоялась.³¹

Во-вторых, Родословное древо Волынских не было, по словам обвиняемого, первым такого рода полотном в России. Говоря о замысле картины, кабинет-министр показывал следст-

²⁷ Гравюра петровского времени. Каталог выставки. Л., 1971. С. 35; Портрет петровского времени. Каталог выставки. М.; Л., 1973. С. 228.

²⁸ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 300–302.

²⁹ *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 35–36. Надо сказать, что какую-то копию Титулярника, «весьма неискусным как в знаменовании, так и в разности красок иконником делана, ибо хотя он много золота и серебра употребил, не некстате разпестрил», В. Н. Татищев видел у самого А. П. Волынского (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994. С. 370).

³⁰ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М.; Л., 1954. С. 406.

³¹ *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 86–87.

вию, что «написать велел на полотне по примеру тому, как у покойного фельтмаршала графа Шереметева род его написан был, и других в Полше у знатных персон видал».³² Граф Б. П. Шереметев скончался в 1719 г., его петербургский дом при жизни хозяина представлял собой «мазанку» в весьма ветхом состоянии, знаменитый же Фонтанный дом будет построен только наследниками фельдмаршала,³³ так что скорее всего картину А. П. Волынский видел в московском доме Шереметева у Лубянских ворот Китай-города на Никольской улице.

В-третьих, изображение Д. М. Боброка-Волынского на несохранившемся полотне кисти Г. Теплова было, похоже, первым по времени появления произведением русской живописи, изображающим героя Куликовской битвы (ил. 18). Самым ранним живописным изображением героев событий 8 сентября 1380 г. в русском искусстве считается картина О. А. Кипренского «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (1805 г.),³⁴ что, как мы теперь знаем, не так.

Самым ранним произведением русской исторической живописи и старейшим батальным полотном кисти русского художника, дошедшим до наших дней и тоже, заметим, посвященным сражению на Дону 8 сентября 1380 г., долгое время считалась картина «Куликовская битва», хранящаяся в Русском музее и приписывавшаяся кисти одного из двух самых известных первых русских художников-профессионалов петровской эпохи И. Н. Никитина³⁵ или А. М. Матвеева.³⁶ Новейшие исследования показали, однако, что картина принадлежит кисти неизвестного западноевропейского художника конца XVII — начала XVIII в., и на ней изображено сражение из Библейской истории с большим объемом переписок неизвестного русского ху-

³² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120.

³³ Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 17–19.

³⁴ Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва... С. 67–68.

³⁵ Маковская Н. К. К вопросу об авторе картины «Куликовская битва» // Труды Всероссийской академии художеств. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 99–112.

³⁶ Молева Н. М., Белютин Э. М. Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. М., 1965. С. 91–93.

дожника рубежа XVIII–XIX вв. и с добавленной им же надписью, гласящей, что это Куликовская битва.³⁷

Таким образом, картина из дома А. П. Волынского была старейшим в русском искусстве изображением героя Куликовской битвы.

Наконец, в-четвертых, существенный интерес для истории русской живописи представляет упоминаемое в следственном деле имя исполнителя заказа «живописца Григорья Теплова». Документы следствия 1740 г. могут быть бесполезны для биографии этого незаурядного человека, в которой «живописная» составляющая представляет известную загадку.

Будущий крупный государственный деятель, писатель, переводчик и музыкант, Г. Н. Теплов (1716–1779 гг.), сын истопника, первоначальное образование получил в петербургской школе на р. Карповке, учрежденной Феофаном Прокоповичем, «студентом» провел два года в Германии, откуда вернулся в 1736 г., и с 1740 г. служил в Академии наук переводчиком. В дальнейшем Г. Н. Теплов сделал блестящую административную карьеру, в царствование Екатерины II став сенатором и статс-секретарем императрицы в чине действительного статского советника (ил. 19). Автор работ по ботанике, филологии, философии, композитор, почетный член Академии наук и Академии художеств, Теплов принадлежал к числу незаурядных царедворцев екатерининской эпохи.³⁸

Г. Н. Теплов известен и как художник. Сохранилось три живописных полотна его работы: два натюрморта и одна жанровая картина (все — ныне в Музее-усадьбе Кусково), датированные 1737–1739 гг.,³⁹ около этого времени писалось и Родословное

³⁷ *Римская-Корсакова С. В.* История одной мистификации (о картине «Куликовская битва») // Пинакотекa. М., 1997. № 1. С. 76–86. Библиографию публикаций о подделке, а также воспроизведение полотна см. в кн: Н. Х. Неизвестный художник. Живопись и скульптура из собрания Русского музея. Каталог выставки. СПб., 2012. № 150.

³⁸ *Виттенберг Е. П., Самсонова Т. П.* Г. Н. Теплов. Биографический очерк // Ломоносов. Сборник материалов и статей. Т. 9. СПб., 1991. С. 80–89. Подробное биографическое исследование: *Daniel W. L. Grigorii Teplov: a Statesman at the Court of Catherine the Great.* Newtonville, 1991.

³⁹ *Виттенберг Е. П., Самсонова Т. П.* Г. Н. Теплов. Биографический очерк. С. 86; *Глоzman И. А.* К истории русского портрета // Русское искусство XVIII в.

дерево Волынских. Самое же интересное заключается в том, что никаких следов занятий Г. Н. Теплова живописью следующие сорок лет его долгой и насыщенной жизни, не считая исчезнувшего из дома А. П. Волынского полотна, нет. Более того, в 1765 г. в письме в Академию художеств, содержащем просьбу принять его в почетные члены, престарелый сенатор утверждал, что *«я никогда живописцем не бывал и не чтил быть оным, но обучался живописству для одной моей забавы и почтения к сему художеству»*.⁴⁰

Первое утверждение совершенно очевидно истине не соответствует: следственные документы 1740 г. постоянно называют его «живописцем».⁴¹ Второе утверждение о якобы любительском интересе Г. Н. Теплова к живописи, очевидно, тоже некоторое лукавство. В любом случае в литературе о русской живописи XVIII в. какие-либо сведения о том, как и когда Г. Н. Теплов стал живописцем, равно как и предположения, почему он так резко оставил художественные занятия, предпочитая о них не вспоминать, отсутствуют.

В школе Феофана Прокоповича на Карповке, где обучался будущий статс-секретарь императрицы, рисование преподавалось весьма серьезно. В собственноручно составленных новгородским митрополитом школьных «*Регулах*» предусматривалось по два урока рисования ежедневно.⁴² В 1737 г. два соученика Г. Н. Теплова по карповской школе были взяты «в ведомство Канцелярии от строений *в живописцы*, понеже они *кроме того иных никаких наук не обучались*».⁴³ Кусковские натюрморты показывают Г. Теплова умелым живописцем, знакомым с идеями современной ему европейской живописи.⁴⁴

Материалы и исследования. М., 1968. С. 56–61; Михайлова К. В. и др. Из истории реализма в русской живописи. М., 1982. Ил. 13.

⁴⁰ Цит. по: Виттенберг Е. П., Самсонова Т. П. Г. Н. Теплов. Биографический очерк. С. 87

⁴¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 120, 188; Д. 201. Л. 17–18, 23.

⁴² Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1862. С. 724.

⁴³ Там же. С. 636.

⁴⁴ Майер-Ментшел А. Вермеер Делфтский и Григорий Теплов. Письмо как мотив изображения // Вещь в искусстве: Материалы научной конференции. 1984. М., 1986. С. 88–89.

Репутацией хорошего живописца Теплов пользовался и у Феофана Прокоповича, определенно выделявшего художественный талант семинариста среди прочих воспитанников, иначе бы «Григорей» не оказался в доме А. П. Волынского. В Кубанец показывал на следствии, что «семинарист Григорей Теплов *писал Волынскому картины* (так в документе. — А. Л.) *...под пристомом покойного новгородского архиерея...* и плачено ему было за работу... работал Теплов, *когда пошлют* (надо понимать, Феофан Прокопович. — А. Л.) *...и бывал в доме ево (Волынского. — А. Л.) дни по три и по четыре для работы, а других учеников (Карповской школы. — А. Л.) не было в ево работе*».⁴⁵

Если личная причастность новгородского митрополита к живописным работам в доме Волынского, о которой сообщал следствию В. Кубанец, соответствует истине (не исключено, что Родословное древо Волынских не было единственным произведением Теплова, имевшимся у кабинет-министра⁴⁶), то эту картину, а возможно и какие-то другие, «семинарист» писал до 1737 г. — года кончины Феофана Прокоповича.

Как помним, А. П. Волынский ссыался на прототипы картины, виденные им в Польше, где кабинет-министр бывал не раз. Последний визит на конгресс в Немиров состоялся как раз в 1737 г. и, как показывал подследственный, «как де он... с конгресса возвратился... и пожалован был в кабинет-министры, тогда своевољством своим вздумал написать картину о фамилии своей... что и учинено было... от предерзости своей для своего честолюбия».⁴⁷

С 1738–1739 гг. бывший «семинарист» Г. Н. Теплов уже сам преподавал в семинарии при Александро-Невской лавре,⁴⁸ однако

⁴⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 198. Л. 45–45 об.

⁴⁶ В петербургском доме А. П. Волынского следствием было конфисковано 63 живописных работы на холсте и дереве, среди которых были сюжетно близкие Родословному древу «три картины... на каждой Российской герб» и «картина в рамах, на ней написан на холсте ево, Волынского, герб» (Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских... С. 191–193). Некий «государственный гербовник, писанный на холстине» был передан А. П. Волынскому служащим Коллегии иностранных дел П. В. Курбатовым еще в 1730 г. (Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 16).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 186–186 об.

⁴⁸ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 636; Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 4. С. 223–224. Ср.: Молева Н. М. Материалы

его репутация «живописца» не была забыта. В декабре 1740 г., когда он уже три месяца числился «при Академии наук», вновь принятого переводчика пытались привлечь к живописным работам в Новом Зимнем дворце, чему воспротивилось академическое начальство.⁴⁹

В биографическом очерке о Г. Н. Теплове упоминается причастность его к делу А. П. Волынского, якобы приведшая «живописца» в застенок и едва не стоившая ему жизни,⁵⁰ однако никаких подтверждений указанная версия событий в документах следствия не находит. Гораздо ближе к истине, очевидно, рассказ графа Н. И. Панина, с его слов записанный С. А. Порошиным и, скорее всего, восходящий к самому Г. Теплову: «Он, будучи ... студентом, расписывал древо для родословной Артемья Петровича (Волынского. — А. Л.) ...и то в государственное преступление было вменено... что он (Волынский. — А. Л.) велел писать свою родословную... от князя Дмитрия Волынца, известного по Мамаеву побоищу; заключено, что тем будто причитался он к фамилии Романовых... Но как после (Теплов. — А. Л.) доказал, что он разчерчивал только по приказу... и Еропкин тут назначил карандашом, как чертить ему, то освобожден».⁵¹

В то же время связь Г. Н. Теплова с А. П. Волынским могла не ограничиваться только заказом «студенту» «родословного древа». После кончины основателя школы на Карповке, Феофана Прокоповича заведение перешло в ведомство Кабинета министров,⁵²

к Словарю русских художников первой половины XVIII в. // Молева Н. М., Белютин Э. М. Живописных дел мастера. С. 237; Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 4. СПб., 1885. С. 504–506, 702–703.

⁴⁹ Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 4. С. 506.

⁵⁰ «В 1740 г. благодаря исключительной выдержке ему удалось благополучно выпутаться из дела кабинет-министра А. П. Волынского. Теплов обвинялся в том, что расписал родословное древо Волынскому, за что был подвергнут пытке... Не только выдержка, но и заступничество П. М. Еропкина спасли Теплова от казни» (Виттенберг Е. П., Самсонова Т. П. Г. Н. Теплов. Биографический очерк. С. 80).

⁵¹ Семена Порошина записки, служащие к истории е. и. высочества благоверного цесаревича и в. к. Павла Петровича. СПб., 1881. Стб. 69–70. Ср.: Семенов П. Н. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П. И. Барановым // ЧОИДР. 1866. Кн. 2. I. Материалы исторические. С. 16.

⁵² Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 383, 648.

членом которого был и А. П. Волынский, и именно Кабинет занимался как наследием скончавшегося архиерея, так и распределением по другим ведомствам бывших «семинаристов».⁵³

Первым лицом Кабинета был князь А. М. Черкасский, ближайший свойственник А. П. Волынского (оба были женаты на родных сестрах Нарышкиных), с которым последний «имел ... душевную дружбу»⁵⁴ и состоял в активной переписке.⁵⁵ Безуспешно допрошенный в Канцелярии Тайных розыскных дел А. М. Черкасский «в том во всем запирался»,⁵⁶ отметая все подозрения следствия, более того, вошел в состав судебной коллегии, решившей судьбу свояка.⁵⁷

Для нашего сюжета интересно то, что пока в Кабинете министров шло дело по завещанию Феофана Прокоповича, «само имение тратилось и расхищалось... князь Черкасский велел принести к себе 5–6 масляных картин» из пожитков новгородского митрополита.⁵⁸ Речь идет, надо думать, о тех самых полотнах кисти «семинаристов», включая три работы Г. Н. Теплова, что оказались в итоге в Кусково, владении графа П. Б. Шереметева, через, скорее всего, шурина владельца усадьбы, князя А. М. Черкасского (первый был женат на сестре второго).⁵⁹ Случайно или нет, но много лет спустя именно Г. Н. Теплов свидетельствовал завещание вдовы графа, В. А. Шереметевой, урожденной княжны Черкасской.⁶⁰

Возвращаясь к биографии художника, автора Родословного древа Волынских с изображением Д. М. Боброка-Волынского и его жены, отметим, что в жизни Г. Н. Теплова работа над картиной в доме казенного кабинет-министра стала временем, о котором «живописец» явно не любил позднее вспоминать.

⁵³ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 652.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 114 об.–115.

⁵⁵ Там же. Л. 126, 157 об., 160, 175–175 об.

⁵⁶ Там же. Д. 211. Л. 110.

⁵⁷ Там же. Л. 178.

⁵⁸ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 652; см. также С. 636–637.

⁵⁹ Ср.: Глоzman И. А. К истории русского портрета. С. 59, 61.

⁶⁰ Сговорная грамота княжны В. А. Черкасской // Отзвуки XVIII века. Изд. Д. С. Шереметев. СПб., 1897. Вып. 5. С. 42.

Дата приема Г. Н. Теплова в переводчики Академии наук, повторимся, хорошо известна — это август 1740 г., два месяца спустя после казни А. П. Волынского и его «конфидентов». Тем не менее в поданной в Герольдию много лет спустя, в 1767 г., биографической записке сенатор указывает другую дату занятия академической должности, «в 1736 году... определен в Академию наук переводчиком»,⁶¹ «забыв» как о четырех годах, отделявших как одно событие от другого, так и о своей первой профессии, «живописец».

Очевидно, причастность, пусть и косвенная, к делу 1740 г., в итоге никаких особых неприятностей Г. Н. Теплову не причинившая, произвела на будущего статс-секретаря императрицы столь глубокое впечатление, что в дальнейшем он всеми силами пытался забыть «живописный» период своей биографии. Американский биограф екатерининского вельможи полагает, что именно в доме А. П. Волынского, в кружке его «конфидентов» будущий сенатор получил первые представления об идеях и политике реформ, что весьма сомнительно, но что именно тогда, в 1740 г., он обрел характерное для его мироощущения «чувство незащищенности и личного риска»,⁶² похоже на правду.

Так или иначе, но исчезнувшее Родословное древо Волынских принадлежит ко времени, древней историей России не очень интересовавшемуся. «Идеологии петровской эпохи было свойственно представлять переживаемое Россией в начале XVIII в. время как некий исходный пункт, точку отсчета. Все предшествующее объявлялось как бы несуществующим... временем невежества и хаоса».⁶³

Батальная живопись петровской эпохи обязана своим появлением новой военной и государственной традиции празднования «триумфов» и сюжетно ограничивалась изображениями «мимошедшей войны благополучий», т. е. побед русской армии

⁶¹ Барсуков А. П. К биографии Г. Н. Теплова // Киевская старина. Т. 17. 1887. С. 169–171.

⁶² Daniel W. L. Grigorii Teplov... P. 6–7.

⁶³ Успенский Б. А., Лотманом Ю. М. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Великого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 124.

над турками при взятии Азова⁶⁴ и шведами в Северной войне.⁶⁵ По случаям «триумфов» в столичных городах устраивались пышные торжества, составной частью которых было сооружение триумфальных ворот, украшенных живописными изображениями побед русского оружия.⁶⁶

Первое сознательное обращение к прошлому России как источнику сюжетов для исторической живописи относится только ко второй половине XVIII в. и принадлежит, как и в случае с портретными изображениями русских государей, о которых писалось выше, М. В. Ломоносову. В январе 1764 г. академик составил записку под названием «Идеи для живописи из Российской истории», предложив двадцать пять сюжетов исторических полотен от событий времен первых киевских князей до Смуты начала XVII в. и описав их примерное содержание. Здесь под № 10 значится «Начало сражения с Мамаем», «с обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В фортгрунде великий князь Дмитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челубей, ростом как Голиаф, сражается с Пересветом, чернецом-схимником. Оба друг-друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске».⁶⁷

Считается, что в дальнейшем «русская историческая живопись в своем развитии пошла по пути, указанном Ломоносовым. Многие сюжеты, предложенные ученым, были разработаны

⁶⁴ После взятия Азова в 1696 г. в Москве к предстоящему триумфу «на Каменном мосту ...на башне сделана окая Азовского взятия и их пашам персуны написаны живописным письмом, также... живописным же письмом, как было под Азовом, по обе стороны» (Дневные записки И. А. Желябужского // Рождение империи. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1997. С. 296–297).

⁶⁵ Врата триумфальные в царствующем граде Москве на входе царского священного величества... Петра Великого... СПб., 1722. С. 2.

⁶⁶ Борзин Б. Ф. Монументально-декоративная живопись Петровского времени. (Очерки) // Изобразительное искусство. Л., 1968. (Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 349). С. 3–12; Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII вв. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 156–157.

⁶⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 37.

впоследствии русскими художниками».⁶⁸ С этой же точки зрения, записанная следствием со слов обвиняемых дискуссия заказчиков 30-х гг. XVIII в. касательно внешнего облика, костюма и атрибутов воеводы XIV в. принадлежит к числу интереснейших фактов становления не только исторической живописи, но и исторического сознания русских людей домоносовского периода.

Судьба картины, как и сабли с Куликова поля, повторимся, остается неизвестной. В любом случае сведений о ней нет и в конфискационных документах. Таким образом, только карандашный рисунок П. М. Еропкина в следственном деле остается единственным свидетельством существования одного из самых ранних произведений русской живописи, связанных с Куликовской битвой и ее героем, воеводой Д. М. Боброком-Волынским. Однако именно этой несохранившейся картине, единственной из «вещественных доказательств» дела 1740 г., суждено было стать известной всей России. Печатный Манифест от 7 июля с публичным «объявлением... тяжких государственных вин» А. П. Волынского сообщал, что государственный преступник «дерзнул наши государственные гербы к себе присвоить... и сочинил картину... своего рода написанием вышеписанных гербов».⁶⁹

⁶⁸ Зотов А. И. Народные основы русского искусства. М., 1961. С. 114. Подробнее см.: Бренева И. В., Ринкон-Поса Э. «Идеи для живописных картин из Российской истории» Ломоносова и их отражение в русской исторической живописи // Ломоносов. Сборник статей и материалов. СПб., 1991. С. 60–70.

⁶⁹ ГПИБ. Отдел истории книги. Указы. Конволют № 34. Л. 84 об.; РГАДА. Фонд печатных указов. Д. 3819. Л. 3.

Глава 6

«ОСОБОЕ СКАЗАНИЕ» О КНЯЗЕ ДМИТРИИ ВОЛЫНСКОМ

В бумагах кабинет-министра следствие обнаружило и конфисковало две рукописи одного сочинения: «Переведение или укрепление князя Волынского Дмитрия князя Острожского в княжество Московское... из летописцов московских показанное», озаглавленное как «перевод»¹ (публикуется в Приложении III), и тот же текст на латыни «Transmigratio principis Wolynensis Demetrii fili Ioannis principis Ostrogiensis in Moscovien cum principatum ...originem ex analibus moscoviticis deducta», надо думать, оригинала «перевода».² В материалах следствия текст охарактеризован как «родословная на латинском языке».³ Между тем, как верно первым определил Н. П. Павлов-Сильванский, он представляет собой *«особое сказание»* о Куликовской битве,⁴ в котором описывается решающая роль предка кабинет-министра Д. М. Боброка-Волынского в разгроме Мамаея в сражении 8 сентября 1380 г., сам ход битвы, а также взаимоотношения великого князя и воеводы и объяснение, каким образом «выезжий» князь Дмитрий Волынский на Руси утерял княжеский титул. От себя заметим, забегая вперед, что сочинение приводит аргументы в пользу княжеского происхождения рода от потомков Рюрика князей Острожских, а не от Ге-

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 218. Л. 10–27.

² Там же. Л. 28–37.

³ Там же. Д. 199. Л. 155.

⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. С. 16.

диминовича Алибурта вышеупомянутой поддельной «месной грамоты».

«Особое сказание» никак не связано с памятниками Куликовского цикла (об этом ниже), по сути, это самостоятельное беллетристическое повествование, которое надо рассматривать вне зависимости от его литературных достоинств как самый ранний такого рода текст в ряду многочисленных исторических повестей XVIII–XIX вв., посвященных Куликовской битве.⁵ Однако авторство сочинения и наличие «латинского оригинала» «Особого сказания» являют известную загадку.

Появление на свет латинского текста А. П. Волынский на следствии приписывал некоему «иезувиту» Рихтеру, который сочинил его по заказу во время двухмесячного пребывания кабинет-министра на конгрессе в Немирове.⁶ Наличие в следственном деле двух рукописей — латинского оригинала и русского перевода — как будто бы подтверждают показания подследственного и «иностранное» происхождение текста, более того, именно «иезувиту» кабинет-секретарь приписывает знание истории рода Волынских.⁷ Похоже, однако, что к созданию «Особого сказания» А. П. Волынский лично имел самое прямое отношение, а история текста выглядит более чем непросто.

На следствии наиболее полные и весьма отличные от кабинет-министра показания о происхождении повести дал не единожды упомянутый ранее «служитель» А. П. Волынского В. Кубанец, лицо, о чем уже приходилось писать, несомненно, более чем осведомленное. Автором «Особого сказания», по его словам, в значительной мере надо считать самого А. П. Волынского: *«И он ...как был на Конгрессе [в Немирове], сочинял о фамилии своей записку, которую ево руки переписывал канцелярист Ку-*

⁵ См. о них: Амелкин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва... С. 64–67.

⁶ В 1737 г. кабинет-министр в составе русской делегации несколько месяцев провел в Речи Посполитой, где в г. Немиров был на переговорах с представителями Австрии и Турции о международных делах.

⁷ «Будто роду он выезжаго Дмитрия Волынца... на то привело ево... с такового случая: как он... был на конгрессе в Немирове, и в то время полскому иезувиту говорил... что помянутой Дмитрей Волынец какова роду был, чтоб ему сочинил то на письме. И оной иезувит говорил ему... что... был князь, и дал ему о том Дмитрее и о фамилии ево на латинском языке сочинение свое» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 186–186 об.).

маньков, в которой писал, как его предок выехал с помощливым войском, как [Куликовскую] баталию... окончил благополучно, как в Москву возвратился, как великую княжну московскую выдали замуж за ево предка». Что же касается участия в работе «иезуита», то В. Кубанец утверждал, что по завершении работы подследственный «велел одному патеру латинскому искать в полских крониках о ево фамилии... *и прислал ему записку, которая тут же включена была*». Позже, по возвращении из Немирова в Петербург, произведенный в кабинет-министры А. П. Волынский «велел сыскать ту *записку*, и в сундуке сыскана... *и хотел отдавать Идидорову: вот де хорошим штилем пишет*. И взял ее к себе в кабинет. Точно отдал ли, того не ведает... понеже она в кабинете ево у него была».⁸

Как видим, В. Кубанец называет автором повести самого А. П. Волынского, «иезуиту» приписывает только нечто, добавленное из польской историографии, и, надо думать, перевод ее на латынь, обратный же перевод с латыни, имевшийся в доме А. П. Волынского и попавший в следственное дело, приписывает некоему «Идидорову».

Мог ли сам кабинет-министр, признававшийся, что «я в школах не бывал, а обращался с молодых лет всегда в военной службе... и для того... неученой человек»,⁹ быть автором «Особого сказания»? В конфискованном следствием архиве кабинет-министра, кроме политических и экономических проектов, были найдены сочинения, так сказать, историко-нравственного содержания, в частности, предназначенный императрице текст с пышным заглавием «О зависти и завистниках, или О притворстве и вымыслах, бывающих при монарших дворах», а также некий трактат «О дружбе человеческой», посвященный вопросу «надлежит ли иметь мужеским персонам дружбу с женскими персонами».¹⁰ Так что какими-то литературными дарованиями А. П. Волынский, вопреки хлесткой характеристике С. М. Соловьева,¹¹ очевидно все-таки обладал. Не переносивший на

⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 198. Л. 70–71 об.

⁹ Там же. Д. 201. Л. 15.

¹⁰ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел»... С. 3.

¹¹ «Начетчик и говорун» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1992. Кн. 10. С. 653).

письме «литературных излишеств» царь Петр указывал своему секретарю: «Отпиши, Макаров, к астраханскому губернатору (А. П. Волынскому. — А. Л.), чтоб впредь лишнего ко мне не бредил, а писал бы о деле кратко и ясно... У меня и без него забот много. Или велю князю Ромодановскому, так он за то болтание его проучит».¹² Так что показания В. Кубанца о решающем вкладе А. П. Волынского в создание текста выглядят правдивыми.

Что же касается «Идидорова», судя по всему, автора перевода, то под ним, несомненно, надо понимать адъюнкта петербургской Академии наук В. Е. Адодурова (1709–1780 гг.). Последний привлекался к следствию, поскольку в 1739–1740 гг. был переводчиком у кабинет-министра, переводя, по его собственным словам, для него с немецкого и польского языков сочинения по коннозаводству; единственный латинский перевод, выполненный В. Е. Адодуровым для А. П. Волынского, о котором адъюнкт упомянул на следствии, «от доктора Лаврентия Блюментроста описание ево болезни».¹³

В. Е. Адодуров, выпускник московской Славяно-греко-латинской академии, овладел латынью еще до того, как попал в петербургскую Академию наук.¹⁴ В Петербурге адъюнкт читал лекции студентам Академической гимназии исключительно на латыни.¹⁵

Должен ли был В. Е. Адодуров только перевести на русский латинский текст или еще и как-то отредактировать сочинение? Адъюнкт был признанным авторитетом в области русского литературного языка, неоднократно редактировавшим переводы.¹⁶

¹² Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 280.

¹³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 207. Л. 2 об.

¹⁴ РБС. СПб., 1891. Т. 1. С. 79–80.

¹⁵ Согласно Академическому регламенту, «профессоры не обучают языков, но обучают наук», причем исключительно на латыни, которой «студенты должны быть искусны, дабы лекции ...могли... совершенно разуместь» (цит. по: Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1875. С. 6).

¹⁶ Успенский Б. А. 1) Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975. С. 44–45; 2) Доломоновский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский //

Совершенно очевидно, что латинский оригинал, приписываемый «иезувиту», на самом деле был в значительной мере переводом на латынь уже готового сочинения самого А. П. Волынского, естественно, с некоторыми генеалогическими дополнениями «иезувита».

Сам А. П. Волынский латынью не владел, хотя литература на латыни представлена в его библиотеке достаточно серьезно.¹⁷ Тем не менее кабинет-министр покровительствовал латинской школе, открытой в Астрахани иезуитами в 1722 г., в пору своего генерал-губернаторства¹⁸ лично инициировал преподавание латыни для «подъячих и поповских детей» в школах при подведомственных ему конских заводах с целью привить знания будущему персоналу по ветеринарии, а некоторые ученики с этой же целью были командированы в Москву.¹⁹ В петербургском доме Волынского действовала «домовая школа», в которой обучался, в том числе и латыни, не только сын хозяина Петр, но и «люди» многочисленной дворни кабинет-министра.²⁰ Учителем латинского языка в «домовую школу» был приглашен специально выписанный из Штутгарта студент И. Зейгель.²¹ Осенью 1739 г. Петр Волынский произнес перед отцом речь на латинском языке, причем переводчиком при сыне был «живописец» Г. Н. Теплов,²² сам, как известно, прекрасный латинист, с 1740 г. переводчик при Академии наук, на этом языке написавший академическую диссертацию по ботанике и переведивший позднее с русского на латынь оды А. Кантемира.²³

Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и культуры. М., 2008. С. 509.

¹⁷ Луттов С. П. Книга в России в послепетровское время. С. 176.

¹⁸ Барсов Н. И. К биографии А. П. Волынского // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 91–93.

¹⁹ Зезюлинский Н. Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. СПб., 1893. Вып. 2. С. 49; Филиппов А. И. Волынский как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901. № 5. С. 555–556; Волков С. И. Хорошовская конюшенная школа в 30–40-х гг. XVIII в. (Из истории русской школы XVIII в.) // ИЗ. 1951. Т. 38. С. 274–275.

²⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 136.

²¹ Зезюлинский Н. Ф. Неравная борьба. Волынский и Бирон. С. 34.

²² Там же. С. 36.

²³ РБС. СПб., 1912. Т. 20. С. 477.

Очевидно, преподавание языков в «домовой школе» латынью не ограничивалось. Один из «людей» кабинет-министра, семилетний А. Курочкин, сын крепостного, показывал следствию, что «грамоте и писать по-русски не умеет, токмо обучен по-немецки читать и говорить. А читать [по-русски] еще не обучен».²⁴ Другие «слуги» дома на Английской набережной в 1737 г. получили распоряжение хозяина «учитца... арифметике... геометрии, рисовать и тушевать».²⁵

Дворня дома Волынского, что было уже замечено исследователями, отличалась почти поголовной грамотностью. В частности, грамоту знали все девятнадцать лакеев кабинет-министра.²⁶ После казни «государственного преступника» более половины из семи десятков «служителей» дома Волынского — повара, портные, шорники и т. п., в большинстве своем крепостные, — в преддверии отпуска на волю после конфискации имущества кабинет-министра подписали собственноручно показания о своем происхождении и статусе, т. е. были грамотны.²⁷

Сюжет с «домовой школой» выходит далеко за рамки нашей темы и тесно связан с совершенно не исследованной темой частных школ Петербурга и их роли в образовательном процессе.²⁸

Возвращаясь к кругу интересов А. П. Волынского, связанных с Куликовской битвой и Куликовым полем, заметим, что найденное в его доме следствием сочинение, судя по всему, изначально было написано на русском самим хозяином. Единственное, что связывает текст с Польшей, — указание на происхождение воеводы от князей Острожских, и, судя по всему, этим вклад «иезувита», не считая перевода на латынь, и ограничился.

Ссылка на «летописцы московские» как источник сведений «Особого сказания» — не более чем литературный прием. Из памятников Куликовского цикла, напомним, самым широко распространенным при жизни Волынского было Сказание о Ма-

²⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 136.

²⁵ Там же. Л. 100 об.

²⁶ Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских... С. 202.

²⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 130–149 об.

²⁸ Ср.: Смагина Г. И. Немцы-учителя и устроители учебных заведений // Немцы в России. Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 145–154.

маевом побоище в редакции «Синописа», автором практически проигнорированное. Похоже, и самого А. П. Волынского, автора основного текста, и дополнившего его «иезуита» соответствие сообщаемых повестью о князе Волынском и о Куликовской битве фактов тем, что содержались в Сказании о Мамаевом побоище, не особо занимало. В содержательном отношении перед нами действительно «Особое сказание», совершенно самостоятельное произведение, посвященное Куликовской битве.

Заглавие повести точно характеризует ее содержание — в центре рассказа находится Дмитрий Волынский, сын владевшего Волынью князя Острожского, посланный отцом по просьбе Дмитрия Донского на помощь московскому великому князю с «ауксилиарным (вспомогательным. — А. Л.) войском» для отражения нападения Мамаю. Набрав и вооружив на собственные средства тридцать два полка, князь Дмитрий Волынский направился на «сикурс» с московским князем прямоком на берега реки Непрядвы, где в двухдневном сражении татары были разбиты.

Победа на Куликовом поле, как сообщает текст, была достигнута исключительно благодаря волынскому князю. Именно он посоветовал Дмитрию Ивановичу занять правильную позицию, поднял воинский дух армии, понесшей серьезный урон от войск Мамаю в первый день сражения, и он же, уже единолично, возглавил русские войска на второй день битвы (великий князь накануне был ранен), принесший победу.

Сам великий князь в 1380 г., по словам «Особого сказания», был стар и бездетен, а в первый день сражения 8 сентября 1380 г. на Непрядве погиб единственный родной брат Дмитрия Ивановича князь Андрей. Военные заслуги в Куликовской битве, высокое происхождение и народная любовь, которые снискал Дмитрий Волынский своим героическим поведением на Куликовом поле, были вознаграждены. Великий князь упросил его взять в жены собственную сестру Анну, пообещав, что если у него не будет своих детей, передать московский престол князю Дмитрию Волынскому, на что последний согласился.

После Куликовской битвы Дмитрий Иванович вступил во второй брак, в котором родился сын «прозванием Красной», и ему перешел московский стол. Но еще до рождения «Красного» между великим князем и князем Дмитрием Волынским

случилась некая размолвка, инспирированная великой княгиней: подговоренный супругой Дмитрий Иванович заподозрил свояка в покушении на верховную власть («сам на московское княжество конфирмован бысть тщится с вредом его, великого князя, персоне»).

В личном объяснении с Дмитрием Ивановичем князь Дмитрий Волынский не только развеял все необоснованные наветы («небо двух солнцев не терпит... и в одном [и] том же княжестве не пристойно двум князьям быть»), но и сам добровольно отказался от княжеского титула («пока великий московский князь жить будет, то я княжеской титул употреблять не буду»). «И тако, — завершается сочинение „иезувита“, — живой свидетель сиятельнейший и превосходный господин Артемей Волынской».

Нет никакого смысла сопоставлять этот текст с теми сведениями о Мамаевом побоище, которые содержатся в памятниках Куликовского цикла — фантастичность описания и семейной ситуации в великокняжеском доме и хода сражения здесь слишком очевидны. Понятно, откуда взялись и некоторые мотивы «Особого сказания», из семейных преданий Волынских — именно в них, а не в разрядных книгах великокняжеский воевода титулуется князем и указана дата «выезда», совпадающая с годом Куликовской битвы. Тут наиболее интересный сюжет связан с предполагаемым вкладом «иезувита» в создание «Особого сказания». Текстологически вычленить его совершенно невозможно, но в тексте есть сюжет, как кажется, восходящий к «иезувиту».

В русском переводе заглавия повести герой именуется «князь волынский Дмитрий *Иванович* князь Острожский», т. е. князь Острожский, выехавший, надо понимать, с Волыни, а в самом тексте упоминается и «отец» героя Куликовской битвы, некий князь Иван Острожский, хотя всем, включая, разумеется, кабинет-министра, заказчика текста, было отлично известно по родословным книгам отчество воеводы — Михайлович.

Точно так же дело обстоит и в латинском тексте заглавия «Особого сказания», в котором главный герой, как и в русском переводе, «*principis Wolynensis Demetrii filios Ioannis principis Ostrogiensis*», т. е. Иванович. Очевидно, этот мифический «князь

Иван Острожский» и есть реальный вклад «иезувита» в родословную предков кабинет-министра.

Судя по всему, перед создателем «Особого сказания» стояла та же неразрешимая задача, которую пыталось решить предыдущее поколение Волынских в конце XVII в. через поддельную «месную грамоту», найти связь между «выездом с Волыни» воеводы Боброка-Волынского и князьями, сидевшими во времена Куликовской битвы на Волыни, Рюриковичами или Гедиминовичами. В «Особом сказании» роль такого связующего звена должен был исполнить «князь Иван Острожский». Следовательно, при А. П. Волынском взгляд на корни рода кардинально поменялся, развернувшись от Гедиминовичей, с которыми связывали свое происхождение Волынские XVII в., в сторону Рюриковичей, к которым относились князья Острожские.

В 60-х гг. XIV в., в пору «выезда» Д. М. Боброка-Волынского, литовская Волынь была поделена между князьями Гедиминовичами, теми, чьи имена созвучны «Алибурту» «месной грамоты» из архива А. П. Волынского, о которой речь шла выше, однако здесь продолжали жить потомки удельных князей Галицко-Волынской ветви дома Рюриковичей.²⁹ В XVI в. исключительное положение на Волыни и в Речи Посполитой заняли князья Острожские, Константин Иванович (ок. 1460–1530 гг.), великий гетман литовский, маршалок волынский и каштелян виленский и его сын Василий-Константин Константинович (ок. 1524–1608 гг.), маршалок волынский и воевода киевский, выдающиеся государственные деятели и поборники православия в Литве.

Исключительное положение рода Острожских в Речи Посполитой потребовало историко-генеалогического обоснования, и во второй половине столетия родилась и утвердилась родословная легенда Острожских, возводившая род к потомству князя Даниила Романовича Галицкого, «короля Руси».³⁰ В польской историографии XVI–XVII вв. (Б. Папроцкий, М. Стрыйковский, М. Кромер, А. Гваньини), хорошо известной в России

²⁹ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV в. Киев, 1887. С. 206, 216–218, 222.

³⁰ Подробнее см.: Соболев Л. В. Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 32, 38, 42.

XVII–XVIII вв.,³¹ более того, постоянно использовавшейся в XVII в. в приказной практике как источник генеалогической информации,³² прочно утвердилась версия происхождения князей Острожских от галицко-волынских потомков великого князя киевского Владимира Мономаха.³³ А. П. Волынский, серьезно интересовавшийся историей, безусловно, об этом знал, тем более что в его собственной библиотеке имелась «Стриковского история на российском языке».³⁴

Волынские, как помним, княжеским титулом в России не обладали, и с этой точки зрения, надо вернуться к мифической личности князя Ивана Острожского «Особого сказания», якобы пославшего сына, князя Дмитрия Волынского, на Куликово поле в помощь великому князю московскому Дмитрию Ивановичу.

В шести поколениях князей Острожских от основателя рода, Даниила из Острога, скончавшегося в 1376 г. (именно его сыном должен бы был быть «выезжий с Волыни» воевода Дмитрий Михайлович Боброк, принадлежи он к этому роду), до Василия-Константина Константиновича, дожившего до начала XVII в., известен только один князь Иван, Иван Васильевич Острожский, дед последнего.³⁵ Проще говоря, на Куликово поле и в «выезд» на Русь героя сражения, согласно «Особому сказанию», отправил прадед и дед самых известных князей многочисленного рода Острожских.

Как же оценить «Особое сказание» о князе Дмитрие Волынском с точки зрения жанра? Не имеем ли мы дело с литературной мистификацией, в которой латинский текст «оригинала» служит всего лишь прикрытием для панегирика роду Волынских, сочиненному самим кабинет-министром? И, кстати, был ли А. П. Волынский единственным автором повести?

Известно, что ближайшие «конфиденты» А. П. Волынского, А. Ф. Хрущов, П. М. Еропкин, не были чужды такого рода

³¹ «Хроника» М. Стрыйковского и «Описание Сарматии» А. Гваньини были переведены на русский язык еще в XVII в. (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 76–79).

³² Бычкова М. Е. Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 43–44.

³³ Соболев Л. В. Генеалогическая легенда рода князей Острожских. С. 33.

³⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 201. Л. 20 (показания П. М. Еропкина).

³⁵ Яковенко Н. М. Українська шляхта... С. 90, 276.

«историко-публицистическим» упражнениям. Первому, например, принадлежал список «Степенной книги», интерполированный подложными речами Ивана Грозного.³⁶ Что же касается второго, то В. Н. Татищев, неоднократно в своих трудах пользовавшийся историческими сочинениями и летописями из библиотек А. П. Волынского и П. М. Еропкина,³⁷ особо высоко ценил некий «Эропкинский манускрипт», он же «летописец Еропкина», якобы «сочиненный в Полоцку».³⁸ Из него для «Истории Российской» В. Н. Татищев заимствовал рассказ о князе Борисе Давыдовиче Полоцком и его жене, княгине Святохне — дочери Казимира, князя Померании, следующего содержания.

Святохна, выйдя замуж за полоцкого князя, внешне отреклась от католичества, но, приведя с собой в Полоцк «много знатных и подлых поморян»-иноземцев, настояла на удалении из Полоцка пасынков князя, погубила его «лучших мужей» и пр. Восстание против засилья иноверцев поднял Провор, сын казненного по приказу Святохны полоцкого тысяцкого, и поморяне были перебиты.³⁹ «Сие выписано из летописца Еропкина, который видно, что... [написан] в Полоцке, — сообщал о рукописи Татищев, — токмо я не имел времени всего выписать и потом (надо думать, после казни гоф-бау-интенданта летом 1740 г. — А. Л.) его видеть не достал, слыша, что отдал списывать».⁴⁰

Уже достаточно давно выяснено, что «Эропкинский манускрипт» был подделкой, в связи с чем В. Н. Татищева «следует... считать или не более как введенным в обман Еропкиным, или только согласившегося воспользоваться выдумкою последнего».⁴¹

³⁶ *Васенко П. Г.* Хрущовский список «Степенной книги». Известие о Земском соборе 1558 г. СПб., 1903. С. 4–11.

³⁷ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994. С. 122, 125, 370; Т. 2 и 3. М., 1995. С. 249.

³⁸ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 122; Т. 2 и 3. С. 261; М., 1996. Т. 5 и 6. С. 539; М., 1999. Т. 7 и 8. С. 359.

³⁹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 5 и 6. С. 201–204.

⁴⁰ Там же. С. 261.

⁴¹ *Лыжин Н. П.* Два памфлета времени Анны Иоанновны // Известия Имп. Академии наук по отд. русского языка и словесности. СПб., 1858. Т. 7. Вып. 1. Стб. 49.

Н. П. Лыжин справедливо охарактеризовал «Полотский летописец» как острый политический памфлет, направленный против Бирона, увидев последнего в образе зловредной княгини Святохны, в изгнанных ею из Полоцка княжеских пасынках цесаревну Елизавету Петровну, под казнью тысяцкого подразумеваемая расправа над Долгорукими, и т. п.⁴²

Очевидно, повесть была таким же, как «Полотский летописец» П. М. Еропкина, полемическим сочинением, в котором «осознанный вымысел», «вымышленные обстоятельства» «с историческим сюжетом или же сюжетом, который выглядит историческим», «создающие контекст художественной правды», — главная примета беллетристических сочинений переходной эпохи от Средневековья к Новому времени,⁴³ времени жизни А. П. Волынского.

Примечательно, что около этого времени в России появился еще один текст, связанный с битвой на Куликовом поле, хотя и иного жанра, но столь же хладнокровно игнорирующий «Сказание о Мамаевом побоище» с его, пусть и сомнительными, но «историческими» реалиями.

В 1711 г. в Москве на Лубянке митрополитом Стефаном Яворским был обновлен храм в честь иконы Гребневской Богоматери и тогда же составлен, судя по всему, самим местоблюстителем патриаршего престола, «Синодик или Диптих» церкви со сказанием об обретении чудотворного образа. Последний был подарен великому князю Дмитрию Ивановичу в 1380 г. жителями «города Гребня на устье реки Чири», когда армия-победительница возвращалась в Москву после разгрома Мамаю на Куликовом поле.⁴⁴ Чир, левый приток Дона, находится сотней верст южнее Куликова поля, что современникам было хорошо

⁴² Там же. Стб. 51.

⁴³ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 28, 34, 52, 63.

⁴⁴ Снегирев И. М. Церковь Гребневской Богоматери в Москве // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1846. Тетр. 7. С. 55–58; Романова А. А. Сказание об иконе Божией Матери Гребневской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. XVII в. Ч. 4. С. 561–562.

известно,⁴⁵ и вряд ли мог находиться на пути следования армии-победительницы домой.⁴⁶

Возвращаясь к «Особому сказанию» о Дмитрие Волынском, отметим, что роль, которую найденный в бумагах А. П. Волынского текст сыграл в судьбе кабинет-министра, столь же печальна, как роль сабли с Куликова поля и картины с родословным древом и изображением Д. М. Боброка-Волынского. Текст, хоть и приписанный подследственным «езувиту», был сочтен вещественным доказательством преступных замыслов обвиняемого. Пункт 38 обвинительного заключения гласил, что «он... публично и многим персонам сказывал... о Дмитрее Волынце, что оной пришел с помощным войском... против Мамаева побоища, и он, Волынской, того Дмитрея Волынца имяновал князем, и что будто по возвращении с той баталии великий князь Дмитрий Иоаннович выдал замуж за него сестру свою, московскую великую княгиню Анну, и что от того... род ево ...пошел».⁴⁷

Итак, следствие 1740 г. по делу кабинет-министра А. П. Волынского выявило целый пласт известий, показывающих, что Куликовская битва 1380 г. занимала прочное место в общественном сознании России уже в петровскую и послепетровскую эпохи, получив в лице опального кабинет-министра едва ли не первого исследователя «Мамаева побоища» и коллекционера вещественных памятников сражения на Дону.

⁴⁵ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 86.

⁴⁶ Самой дальней точкой ухода московских полков на юг одна из поздних редакций «Сказания», Хворостининская, называет р. Воронеж — место кочевий Мамая перед битвой (Памятники Куликовского цикла. С. 295).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 208. Л. 30.

1. П. М. Еропкин. *Окончательный проект надписи на сабле,
найденной на Куликовом поле*

«Найдена сия сабельная полоса в степи из земли выпажана в урочище на Куликовом поле близъ реки Непрядвы на том месте, где в 6887 м году¹ а от Рождества Христова в 1739 м году² была баталия со многочисленными татарскими войсками бывшими с ханом Мамаем во время государствующаго тогда в России благовернаго государя и великаго князя Дмитрия Иоанновича Московскаго и всея России на которой баталии российскимъ воинствомъ сам велики³ князь командовал с ним же и помощные ему были войска литовские и протчия под приводствомъ благовернаго князя Дмитрия Михайловича Волынскаго за котораго потомъ великий князь Дмитрий Московски⁴ отдалъ в супружество сестру свою родную благоверную княжню⁵ Анну Иоанновну».

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 211. Л. 58–60

2. П. М. Еропкин. *Проекты надписи на сабле,
найденной на Куликовом поле.*

1. Сия полоса выпажана из земли въ 1736 м году на Куликовомъ поле, где от Сотворения света 6888 м году а от Рождества Христова 1780 м году⁶ татарский царь Мамай со многочисленнымъ воинствомъ татарскимъ былъ побежденъ от великаго князя Дмитрия Ивановича Московскаго которой по победе именованъ Донский при немъ над помощными войсками правителствовалъ князь Дмитрий Михайловичъ Волынской за ко-

¹ Так в ркп.

² Так в ркп.

³ Так в ркп.

⁴ Так в ркп.

⁵ Так в ркп.

⁶ Так в ркп.

торого великий князь Димитрий отдалъ в супружество сестру свою родную благоверную княжну Анну от которыхъ в России фамилия Волынскихъ начало свое восприяла.

2. Сия полоса въ 1736 году выпажана на Куликове поле где татарский царь прегорды⁷ Мамай со многочисленными силами от великого князя Димитрия Ивановича Московского до конца побежденъ от Сотворения света 6888 году а от Рождества Христова 1380 году предводителствующу тогда над спомощным литовскими и протчими войсками князю Дмитрию Михайловичу Волынскому за которого по победе великий князь Димитрий отдалъ в супружество родную свою сестру благоверную княжну Анну от которыхъ в России род Волынскихъ начало свое восприялъ.

3. 1736 году сия полоса выпажана близ Дону на Куликовомъ поле где от Сотворения света 6888 году а от Рождества Христова 1380 году великий князь Димитрий Ивановичъ Московской а после победы именованный Донский победил порегордного Мамайа со многочисленнымъ воинством промыслом и храбростию князя Дмитрея Михайловича Волынсково правящаго тогда над помошными литовскими и протчими войсками за которого велики⁸ князь Димитрий отдалъ в супружество родную свою сестру благоверную княжну Анну от которыхъ в Росии фамилия Волынскихъ начало свое восприяла.

4. Сия полоса 1736 году выпажана в земле на Куликовом поле где великий князь Димитрий Ивановичъ Московский советом и храбростию князя Дмитрея Михайловича Волынсково победилъ прегордаго Мамайа со многочисленнымъ воинством от Сотворения света 6888 году а от Рождества Христова 1380 году по победе великий князь Димитрий отдалъ в супружество родную свою сестру благоверную княжну Анну за князя Дмитрея Михайловича Волынсково от которыхъ в России фамилия Волынскихъ начало свое восприяла.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 278. Л. 40–41 об.

⁷ Так в ркп.

⁸ Так в ркп.

3. «Особое сказание»
о князе Дмитрии Ивановиче Волынском

Перевод

Переведение или преселение князя Волынского Димитрия Ивановича князя Острожского въ княжество Московское, от которых сиятельнейшая российская Волынскихъ фамилия высочайшее свое от трехсот дватцати и более годов начало имеетъ, из летописцев московскихъ показанное. л. 10

Между 1359 годомъ даже до 1389-го году Волынскихъ или Острожскихъ князей фамилия пошла из Волыни въ Московское княжество во время государствования тогда въ Москве великого князя Димитрия Иоанновича Донского.

Сей российской Волынскихъ домъ начало свое имеетъ от самихъ // Острожскихъ князей, в то время в Остроге резидующихъ, имянно же настоящую прямую родства линию имеетъ от Ивана Волынского князя Острожского такимъ образомъ: л. 10 об.

Великому московскому князю Димитрию объявили войну два татарския народы, один великой татарской, а другой Золотая Орда названной. Помянутой князь вящее известие получил о собранном обоихъ оныхъ народовъ войске не в иной какой конецъ, но что оные народы Московское княжество крайнейше опустошили, которые надъ всемъ темъ своимъ войскомъ за великого вожда учредили тоя жэ Золотой Орды хана именемъ Мамай безбожного. //

Димитрий московский князь, не надеясь на свои силы, пословъ в Острогъ городъ отправилъ с прошениемъ къ Ивану князю Острожскому, тогда Волынию владеющему, чтоб он с ауксiliarнымъ⁹ своимъ войскомъ противу реченных варварскихъ народовъ въ Россию пришелъ. л. 11

Иван Острожский князь, усмотря нужное прошение, созвал собственное войско и, собрав собственную своею казною венгров, сербов, вологов, богемцов и германцов, такъже и свое рыцарского чина войско, преизрядными панцырями и латами оное снабдилъ и людей и коней в железо убралъ так скоро, что в крат-

⁹ Вспомогательным.

кое время множество гусарскихъ полковъ к войнѣ готовы были. //

л. 11 об. С такую же прилежностію и свое набранное войско всякимъ оружіемъ снабдилъ, а потомъ, изрядно распоряженное, в главную команду отдать сыну своему, князю Димитрію и придал к нему двухъ в статскихъ и военныхъ делахъ благоискуснейшихъ персон, двухъ вождей, четырехъ генераловъ и полковниковъ, надъ тридцати двумя полками командующихъ, отъ знатнейшихъ фамилій урожденныхъ.

Сими всеми Димитрій князь Волынский, снабдясь, отправленъ на сикурсъ къ великому князю Московскому противу наисилнейшаго наступающихъ татар, на Аадемія.

л. 12 Димитрій Ивана князя Волынского сынъ со всею, яко // собственнымъ, тако и денгами набраннымъ войскомъ, купно с помянутыми вождами, генералами и полковниками в Россію путь воспріял и встрѣтился с посланнымъ к нему со оною ведомостию едущимъ, что Димитрій московскій князь войско свое из Москвы уже выправилъ противу реченнаго татарскаго хана Мамаѣ и нынѣ к Дону даже до реки, Непрядвы названной, пошло, на которомъ мѣстѣ Мамаѣ оное войско ожидать постановилъ. И для того Димитрій князь Московскій наглого¹⁰ требованія у Димитрія князя Волынскаго сына проситъ, чтобъ онъ своимъ войскомъ к оному лагерю поспешалъ. //

л. 12 об. По полученіи сего уведомления Димитрій Волынский, оставя дорогу, до Москвы лежащую, прямымъ путемъ со всякимъ поспешеніемъ на определенное ему мѣсто военныя свои колонны обратилъ и поспешествомъ Божиимъ зосталъ великаго московскаго князя Димитрія у реки Непрядвы.

л. 13 Великій московскій князь в лагере на Куликовскомъ полѣ, совершенно уведомлясь о щастливомъ пришествіи волынскаго князя Димитрія с избраннымъ ауксiliarнымъ войскомъ, без замедленія отправилъ роднаго брата своего Андрея при конвое первейшихъ министровъ для поздравленія гостя // и с благодареніемъ князю Димитрію Волынскому за действительную к нему благосклонность и за благоволительное исполненіе даннаго слова, также и съ объявленіемъ, что татарской ханъ Мамаѣ с ве-

¹⁰ Решительнаго.

ликимъ войскомъ уже к нему приближился и поутру рано на оное московское войско наикрепчайшее со всею своею силою нападение учинить имеетъ.

По выслушании сего князь Волынский Димитрий и по приятии благоприятнейшого гостя в ответъ сказалъ, что онъ в ауксилиарное услужение вступилъ и уже в такомъ нагломъ деле такой великому князю совет подает, чтоб князя Андрея // родной братъ Димитрий Московский великий князь на чистом поле [и способном к войне по]¹¹ войско свое поставилъ и на ономъ бы с благораспоряженнымъ и приготовленнымъ войскомъ бешено де наступающихъ татаръ нападения ожидалъ. л. 13 об.

По поданному совету обещался и руку далъ, что на определенномъ военномъ месте как с собственным, так и с набраннымъ войскомъ безъ замедления сущее вспомошествование учинить имеетъ.

При отъезде князя Андрея Московского Димитрий князь Волынский, честь ему оказуя, ведет свое гусарское войско, также и командующимъ над войскомъ // велить в бытность такого воинства с вящимъ порядкомъ распоряженное войско смотреть. л. 14

Князь Андрей, видя полки воинские изрядно обученные и совершенно вооруженные, также и кони после дальнейшего пути и утруждения не худые, зело обрадовался и великое Волынскому князю благодарение за такой действительной благосклонности знакъ учинилъ.

При томъ радовался, усмотря удивительное ауксилиарного войска обучение, и удивляясь, без замедления отправил одного из министровъ своихъ к брату своему Дмитрию великому князю московскому, // чтобъ о томъ, что видель, донесъ и уверилъ бы подлинную надежду иметь, чтоб ему не токмо оборонительно, но и наступательно противу наступающаго неприятеля поступать можно за помощью Вышняго и при ауксилиарномъ Волынского князя войске. л. 14 об.

К сему съ известиемъ посланному министру придалъ Димитрий Волынский своего генерала с данною информациею, чтобъ именемъ его Дмитрию Московскому великому князю подаль способъ выводить, поставить и распорядить войско противо

¹¹ Приписано на полях тем же почерком.

л. 15 наступающих татарских народов // и их в чистом лагере ожидать.

Сий здоровый Волынского Димитрия советъ великий князь московский совершенно исполнилъ и уже по тому великого князя московского братъ въ лагере князя Волынского остался.

На другой день во время восхождения солнечного помянутый татарский ханъ Мамай, приступя со всею своею силою, состоящею въ триста тысячахъ гораздо вооруженныхъ людехъ, учинилъ нападение на вѣще распоряденное московское войско, во сту тритцати тысячахъ состоящее и вооруженное, такъ же и къ баталии приготовленное.

л. 15 об. Дмитрий Волинский князь, // усмотря, что татары с московскимъ войскомъ въ кровопролитии находятся и въ горящемъ бою обращаются, выводить свое, по то время в лесахъ утаенное войско и приказываетъ на тревогу в трубы играть и изрядно распоряденному к войне войску стоять, а потом с скоростію с левой стороны наступаетъ на утомленные татарские народы, с которыми с правой стороны московское войско сражение чинить.

Кровавое оное обоихъ сторонъ сражение было, которое от первого часа утренняго до захождения солнечного продолжалось.

л. 16 На оной воюющихъ сторонъ баталіи много тысячъ людей от пагубнаго меча пало и немалое число // раненныхъ сыскано, между которыми князь Андрей, родной братъ великого князя московского найденъ, который в первомъ военномъ сражении, с разрубленную пополамъ головою, рогатою пробить.

л. 16 об. На другой день поутру великий князь московский, чувствуя, что от стрелы, которую он полудни минувшаго дня тяжело раненъ былъ, в безсиліе пришолъ, то без замедления отправилъ курьера х князю Димитрию Волинскому, прося, чтоб онъ войскомъ его предводительствовал и полную команду на[д] своимъ всемъ войскомъ принять изволилъ, своимъ же воинскимъ вождемъ, генераламъ и воеводамъ повелелъ дать указъ, // князя Димитрия Волынського яко его совершенно исполняти.

И хотя российские войска прошедшаго дня мужественно и похвално поступали и противо наступающихъ жестокихъ неприятельскихъ силъ яко все оборонялись, однако же по получении общаго известія как о тяжкораненномъ ихъ великомъ князе, так

и о смертельном его пресветлейшого родного брата случае, в весьма великую печаль приведены.

О сего российского войска конфузии уведомясь, Мамай татарской ханъ собранное свое поощряеть войско, чтоб мужественно поступали и с вящимъ усердиемъ жесточайшее паче // вчерашняго наступление чинили. л. 17

Нападаетъ Мамай на левое росийского войска крыло, на которомъ по убиении многихъ и по обращении иныхъ в побегъ немалое в московскомъ войске помешательство учинилось.

Князь Волынский, видя учиненное от татар московского лагеря отнятие, въ начале по розбитии левого крыла разоряющихъ неприятелей, обратил победоносное свое войско противъ продолженной кругом татарской линии, которой левое крыло во отдали оного войска держано было.

И когда войско повеление своего князя слушаетъ и содержание оного же // делами засвидетельствуетъ, то ничего иного как победы деяться надлежить. А ауксилиарной курпусъ возгордевшую неприятельского войска намеренность пресекаетъ и вооруженные гусарского войска руки позади крайнюю татарскимъ народамъ пагубу предъявляютъ. Мамай, страхомъ пораженный, с своимъ в той ропоть прешедшимъ войскомъ, яко прахъ на земли рассыпался. Войско московское, собравъ силы, паки войну продолжало и нападая на неприятеля Божиею помощиею чрезъ пораженные татарские головы и чрезъ противные исходящее крови источники к ауксилиарному своему войску возвратилось. Князь Волынский // соединеннымъ оружиемъ более двухсотъ тысячъ татаръ побилъ и самого хана принудилъ не токмо лагерь оставить но от победоноснаго оружия назадъ обратиться, но также и о крайнемъ побеге думать. л. 17 об.

Ядовитые головы хотя и утеснению подлежатъ, однако жъ чюбъ подносятъ, жаломъ колятъ и свой ядъ испущаютъ. И бежавший неприятель крайнейшие подъемяетъ силы, но от следующего за нимъ християнского оружия до конца истребляется. Мамай с взятыми несколькимистами татарами, преизрядныхъ лошадей имеющими, побегомъ спасения своего искал, которое и нашолъ, оставя в степяхъ свой обозъ торжествующему християнскому войску, такожъ пребогатые добычи и множество // пленныхъ. л. 18 об.

Князь Димитрий Волынский при Божией помощи с полученною такъ славною викториею, возвратясь на место начатой

войны, нашолъ Димитрия великого князя Московского полу-
жива лежащаго под некоторымъ деревомъ и, как токмо его уви-
дел на земле лежащаго, тотчас слезъ съ коня и, объемя лежа-
щаго, возводит, который позирав своего верного советника и
протектора князя Волынского и якобы полученных ран не чув-
ствуя, и обнялъ любезного друга своего, за поданную верную
и сильную помощь зело благодарствовалъ, что засвидетельст-
вованнымъ его управляющимъ благоразсуждениемъ и героичес-
кою военною // храбростию, так же и в баталіях похвально
отправленных искусством, славную и генерозную над двоекрат-
ным так сильнейшим неприятелем победу двоекратную полу-
чилъ с обороною въ опасной нужде княжества своего.

Приятно было смотреть, как и с какою благодарностию ве-
ликий князь московский и с какою природною князь Волынский
любовию взаимно цаловались и сердечное объятие оказывали.
Такъ же российские велможи и воинские вожди, за военное
высокодушие и за охранение живота князю Волынскому бла-
годарствуя, героические его добродетели прославляли и отваж-
ное в военных // советахъ благоискуство, засвидетельствованное
в действияхъ великодушие, во всехъ словахъ и делахъ удиви-
тельное благоразсуждение и мудрость, в щастии и нещастии
равномерность похваляли.

Потом, когда Димитрій великий князь московский от раны,
полученной на помянутой баталіи, отчасти обморгаться стал,
то самъ себе разсуждалъ, что никого не имеетъ, чтобы наслед-
ственнымъ правомъ Московского княжества наследникомъ быть
кроме одной родной сестры, великой княжны Анны Иоанновны,
понеже родного своего брата, себя вельми молодшого, князя
Андрея, еще не жонатого, на вышпереченной баталіи // лишился.
Самъ же великий князь московский бездетенъ обретася, упо-
вая, что за старостию летъ своихъ детородия надежды лишень,
князя Дмитрия Волынского усилно просил, чтоб онъ войско
свое, с ним на помощь московскому княжеству приведенное,
с награждениемъ за труды и действа, мужественно и преславно
на баталіи оказанные, во отечество свое отпустилъ, а оной бы
князь Димитрій Волынский у него остаться изволилъ.

Для способнейшого и действительнейшого к тому преклоне-
ния великий князь московский с тем себя объявлялъ и священ-
ное свое декляровалъ, что князю Волынскому родную свою сес-

тру княжну Анну в супружество // дать имеетъ, и ежели впредь л. 20 об.
никакого мужеска полу наследника у него не будетъ, то такъже
зделаетъ, чтобъ по смерти его князь Волынский наследник мо-
сковского княжества публикован был.

Димитрий Волынский князь особливое великого князя мос-
ковского благоволение къ себе и истиннолюбезную асегкура-
цию въ разсуждении имея, а сверхъ того признавая, что у всехъ
московскихъ военныхъ вождей и управителей, такъже и у всего
войска въ великомъ почитании имеется, такожде что всеобще
всякого чина и состояния неллицемерную къ нему любовь ока- л. 21
зываютъ, // и тако на прошение великого князя склонилъся на
усердное его желание и требование соизволилъ и вождов (*sic!*)
своего войска, генераловъ и полковниковъ, также и все войско
по достоинству каждого жалованнымъ из казны великого князя
московского принятымъ и розданнымъ наградамъ и кроме того
немалыми презентами обдаренныхъ всехъ в собственное отечество
отпустил. Он же, князь Волынский, на благоволительномъ ве-
ликого князя московского Димитрия обещании утверждаясь
въ Московском княжестве, при нем остался. Оба, победонос-
ную над побежденными // и прогнанными христианскими не- л. 21 об.
приятелями викторию получа, великий князь на свой княжес-
кой престоль, а он, яко гость и как его, так и всего Московского
княжества оборонитель, в Москву прибыли.

Сих победителей какъ духовные, такъ и мирские всякого со-
стояния и звания люди с процессиею, с литаврами и трубами,
с пением и с радостнымъ руками и раменами и ногами со тор-
жествованиемъ, также и с великимъ встречающаго народа весе-
лиемъ и с земнымъ поклонениемъ великому князю москов-
скому Димитрию честь отдали, купно протектора // своего л. 22
князя Волынского поздравляя, достойною славою и заслужен-
ною похвалою со благодарениемъ обоихъ мужество и героичес-
кие обоихъ добродетели прославляли, притомъ же в большие и
меньшие священныхъ церквей колоколы единогласно победителей
приветствовали. Между сими безсловесными поющими коло-
кольными голосами в освященную святыхъ патроновъ церковь
вошли, в которой с радостными музыкийскими голосами за по-
данную им такъ великую викторию песни и псалмы поюще,
всевышнему Богу должное благодарение воздавали. //

л. 22 об.

По окончанеии хвалы Божией великий князь московский Дмитрия Волынского князя, уже нареченного зятя своего, в палаты просил, царское приготова великолепие, и в оных полатах князю Волынскому родную сестру свою Анну принцессу московскую, с которою князь Волынский в обручение вступилъ в присутствии многочисленныхъ как российскихъ, так и чужестранныхъ кавалеровъ, которымъ всемъ царской банкетъ учредилъ и предовольные столы накрыть приказалъ и преизряднымъ питаниемъ утружденныхъ после героическихъ действъ в подкрепление трактовал. //

л. 23

По прошествии некоторого времени великий князь московский Дмитрий, къ прежнему совершенного здравия состоянию возвратясь и в высокомъ разсуждении сие имея, что обещанное исполнению подлежить, то родную оную сестру свою князю Волынскому въ супружество давъ, постоянное слово действием исполнил.

л. 23 об.

И тако архиепископ московский супружество князя Дмитрия Волынского с предреченною его невестою великою княжною московскою Анною Иоанновною, договоренное папскимъ благословениемъ, подтвердил и ратификовал. Великий же князь московский, // сего своего зятя такожде благословя для получения супружества, золотой крестъ с многими святыхъ мощами ему подарилъ.

При семъ публичномъ торжестве князя Волынского Дмитрия въ сына восприялъ с данными в приданое многими маестностями городскими и деревенскими и с иным великим богатством, имея всегда князя Волынского в вѣщемъ паче протчихъ почтении яко же подлиннейшого своего преемника и наследника княжества Московского.

л. 24

И тако по отправлении свадьбы все велможи князю Волынскому Дмитрию честь оказываютъ, такожь все шляхетство наивѣщае къ нему благосклонно, и все войско усердную к нему любовь являет, которые // все единогласно преждебывшую оную над татарскимъ ханомъ славнополученную викторию не так великому князю своему, как благоразсудительнейше Волынского князя храбрости приписали.

Но малопрятного вида знакъ есть, ближняго украшениемъ и чужою светлостію бодриться. Сова того света не терпитъ, какимъ орлы ползуются. Некоторые ненавистные придворные

доносить великому князю московскому, что зять его князь Во-
лынский Дмитрий сердца всех и каждого в своих руках
держит и что все княжество к нему приклоняется, того ради
опасаться надлежит, чтоб // онъ с низвержением великого князя л. 24 об.
Дмитрия самъ абсолютного московского княжества государ-
ствования не воспретендовалъ.

Шурин его, великий князь московский Дмитрий по при-
нуждению собственной своей жены неприятную къ князю Во-
лынскому склонность оказуетъ и озлобительное на него сердце
содержитъ, имея въ подозрении сие, что зять его Дмитрий
князь Волынский чрез превлечение чрезъ хитрость к себе мо-
сковского народа, наипаче же военныхъ вождей, самъ на Мос-
ковское княжество конфирмованъ быть тщится с вредом его,
великого московского наследственного князя персоне, яко в жи-
вых еще обретающагося. //

Князь Волынский о поношенияхъ, себе причиненныхъ, и о по- л. 25
дозренияхъ уведомляясь, сию опасность предупреждаетъ, чтоб
озлобленного к нему великого князя успокоить и всехъ бы о немъ
противоразсуждающихъ к прямому содержанию привести и
самим делом свою показать невинность и правильность, сей раз-
судительнейшей способъ употребил.

В некоторой день к запрошенному к себе великому князю
московскому князь Волынский сии слова говорилъ: «Небо двухъ
солнцев не терпитъ, ниже королевство двухъ королей, и в одномъ л. 25 об.
[и] томъ же княжестве не пристойно // двумъ князьямъ быть,
как я, князь Волынский, с великим князем Дмитрием в Мос-
ковском княжестве обретаюсь. И для того на знакъ нелицемер-
ной мой к великому московскому князю благосклонности и
что я зять моего искренним сердцем люблю и яко отца моего
в сыновнем почтении имею, ему самому княжеской титул усту-
паю. И пока великий московский князь жить будетъ, то я кня-
жеской титулъ употреблять не буду.

По усмотрении сего Дмитрия Волынского зятя своего ге-
нерозной декларации великий князь московский с благосклон-
ностью и радостью так высокодушную резолюцию за благо при-
нять и намъ бремя зятя своего засвидетельствовалъ. // Дмитрий л. 26
князь Волынский данное слово крепко исполняя неотменно
содержалъ. И такимъ следомъ с высокимъ благоразсуждением
поступает, поношения противныхъ придворныхъ разсуждения

лишился и в прежнюю великого князя московского любовь себя поручить.

л. 26 об.

По прошедшемъ немалом времени княгиня супруга Дмитрия великого князя московского, бездетная будучи, преставилась. По преставлении оной великий князь Дмитрий съ другою в супружество вступил, из которой родился сын прозванием Красной, // который по отце своем, великом князе Дмитрии, наследственным правом Московское княжество в наследие получилъ. А Дмитрий Ивановичъ князь Волынский с Анною Иоанновною великою княжною московскою двух сынов, одного Бориса, а другого Давида имел, от которых сиятельнейшая Волынских фамилия въ России прямую свою линию продолжаетъ и по сие время в России, имеючи более трех сот дватцати годовъ, въ великой чести обретается.

л. 27

И того живой свидетель сиятельнейший и превосходный господин Артемей Волынский всепресветлейшей и державнейшей // российской самодержицы обер егер мейстер и воиск ея августейшаго величества генерал лейтенант, действительный от пресветлейшого двора российского на конгресс о трактовании мира отправленный чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ с чрезвычайными и полномочными турецкими к тому отправленными въ Немировъ посланниками.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 218. Л. 10–27.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. 1 (к с. 6). А. П. Волынский. Художник Г. Гзель. 1720-е гг. ГТГ

Ил. 2 (к с. 16). Боярин В. С. Волынский. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

Ил. 3 (к с. 15). Родословное древо Волынских. Фрагмент с картушем, содержащим текст о происхождении рода

Ил. 4 (к с. 15). Родословное древо Волынских. Фрагмент с припиской имени А. П. Волынского и его сына

Ил. 5 (к с. 15). Родословное древо Волынских. Фрагмент с именем боярина И. М. Волынского

Ил. 6 (к с. 17). «Месная грамота» нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Список 1721 г. из архива А. П. Волынского. РГАДА

Ил. 7 (к с. 21). Воевода Д. М. Боброк-Волынский, припав к земле, слушает «примету» об исходе Куликовской битвы. Миниатюра из Сказания о Мамаевом побоище. Список XVII в. ГИМ

Ил. 8 (к с. 21). Сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Миниатюра из Сказания о Мамаевом побоище. Список XVII в. ГИМ

Ил. 9 (к с. 24). Дом обер-егермейстера А. П. Волынского (слева) и сенатора А. Л. Нарышкина (справа) в Санкт-Петербурге. Рисунок фасадов. 1732–1738 (?) гг. Воспр. по кн.: Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII в. СПб., 1997. С. 169

Ил. 10 (к с. 25). Богородицк. Рис. А. Т. Болотова. XVIII в. ГИМ

Ил. 11 (к с. 41). Находки предметов вооружения и доспеха XIV в., сделанные на Куликовом поле в 2005–2006 гг. Из собрания Музея-заповедника «Куликово поле»

Ил. 12 (к с. 26). План Куликова поля. XVIII в. РГАДА

Ил. 13 (к с. 27). Гоф-бау-интендант П. М. Еропкин. Литография XIX в. ГИМ

Ил. 14 (к с. 28). П. М. Еропкин. Проекты надписи на сабле, найденной на Куликовом поле в 1736 г. РГАДА

Ил. 15 (к с. 29). П. М. Еропкин. Рисунок картины «Родословное древо Волынских». 1740 г. РГАДА

Ил. 16 (к с. 30). Государственный герб России и герб А. П. Волынского. П. М. Еропкин. Фрагмент рисунка картины «Родословное древо Волынских». 1740 г. РГАДА

Ил. 17 (к с. 33). Воевода Д. М. Боброк-Волынский и княжна Анна Ивановна — основатели рода Волынских. П. М. Еропкин. Фрагмент рисунка картины «Родословное древо Волынских». 1740 г.

Ил. 18 (к с. 34). Григорий Николаевич Теплов, тайный советник и сенатор. Гравюра Г. Афанасьева. XVIII в. ГИМ

На вкладке:

К с. 15. Родословное древо Волынских. 80-е гг. XVII в. РГАДА

К с. 24. Сабля, найденная на Куликовом поле в 1736 г. Рисунок с проектом надписи из архива А. П. Волынского. РГАДА

ИЛЛЮСТРАЦИИ

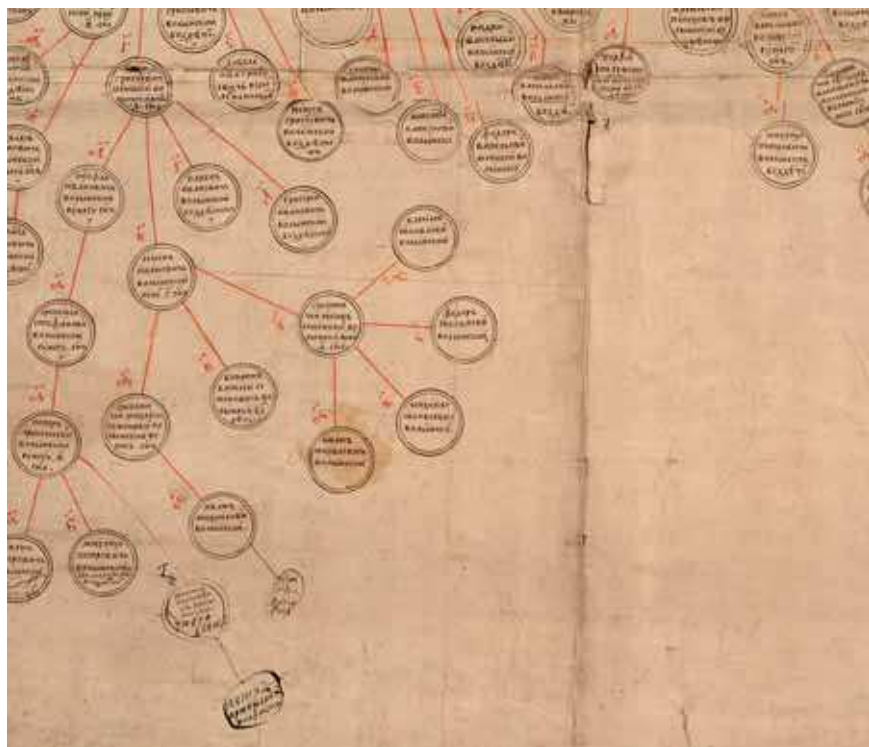
Ил. 1. А. П. Волинский. Художник Г. Гзель. 1720-е гг. ГТГ

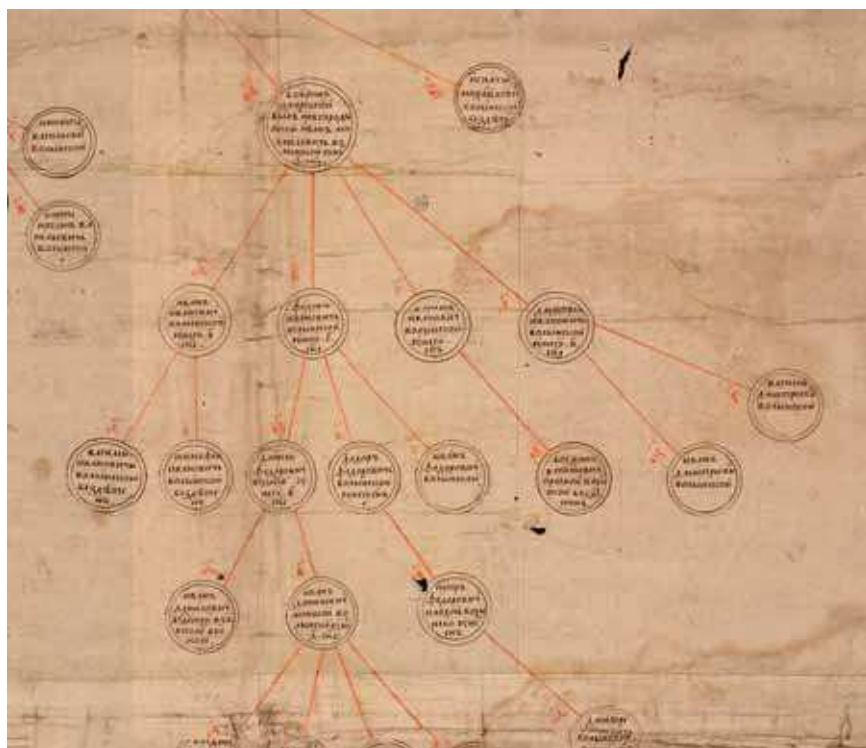
Ил. 2. Боярин В. С. Волынский. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

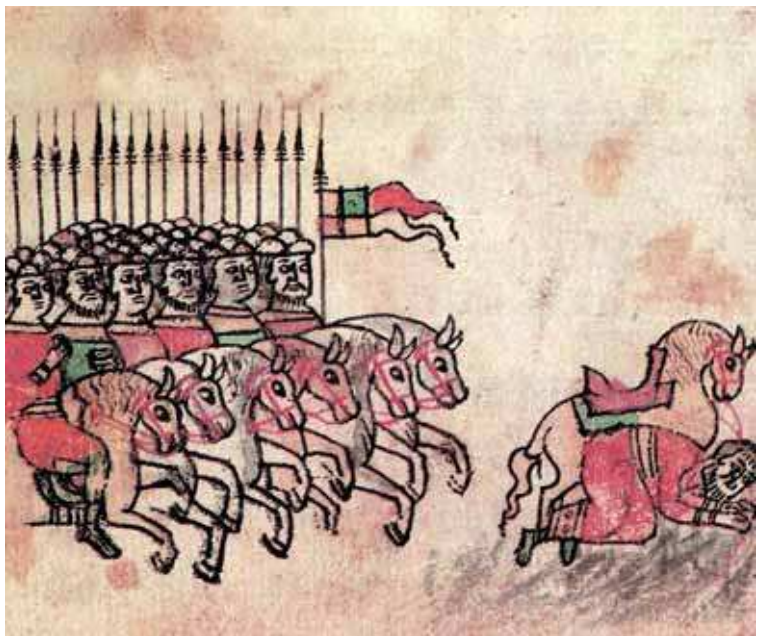
Ил. 3. Родословное древо Волынских. РГАДА.
Фрагмент с картушем, содержащим текст о происхождении рода

Ил. 4. Родословное древо Волынских. РГАДА.
Фрагмент с припиской имени А. П. Волынского и его сына

Ил. 5. Родословное древо Волыньских. РГАДА.
Фрагмент с именем боярина А. П. Волыньского

Ил. 7. Воевода Д. М. Боброк-Волынский, припав к земле, слушает «примету» об исходе Куликовской битвы. Миниатюра из Сказания о Мамаевом побоище. Список XVII в. ГИМ

Ил. 8. Сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Миниатюра из Сказания о Мамаевом побоище. Список XVII в. ГИМ

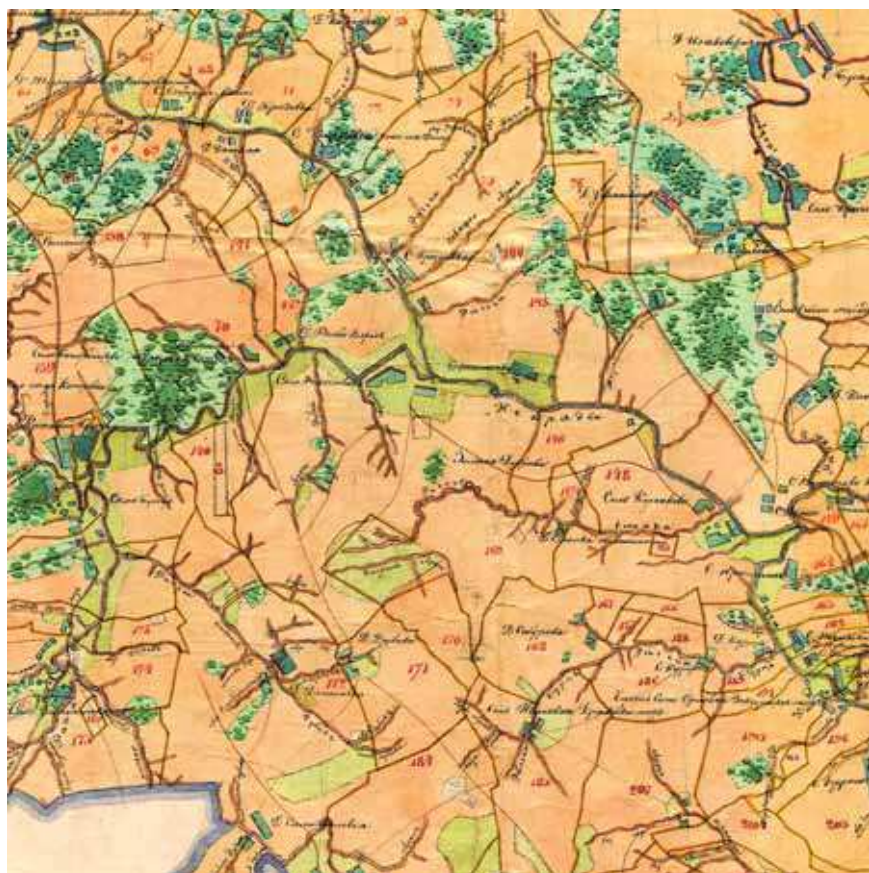
Ил. 9. Дом обер-егермейстера А. П. Волынского (слева) и сенатора
А. Л. Нарышкина (справа) в Санкт-Петербурге.
Рисунок фасадов. 1732-1738 (?) гг.

Ил. 10. Богородицк. Рисунок А. Т. Болотова. XVIII в. ГИМ.

Ил. 11. Находки предметов вооружения и доспеха XIV в.,
сделанные на Куликовом поле в 2005–2006 гг.
Из собрания Музея-заповедника «Куликово поле»

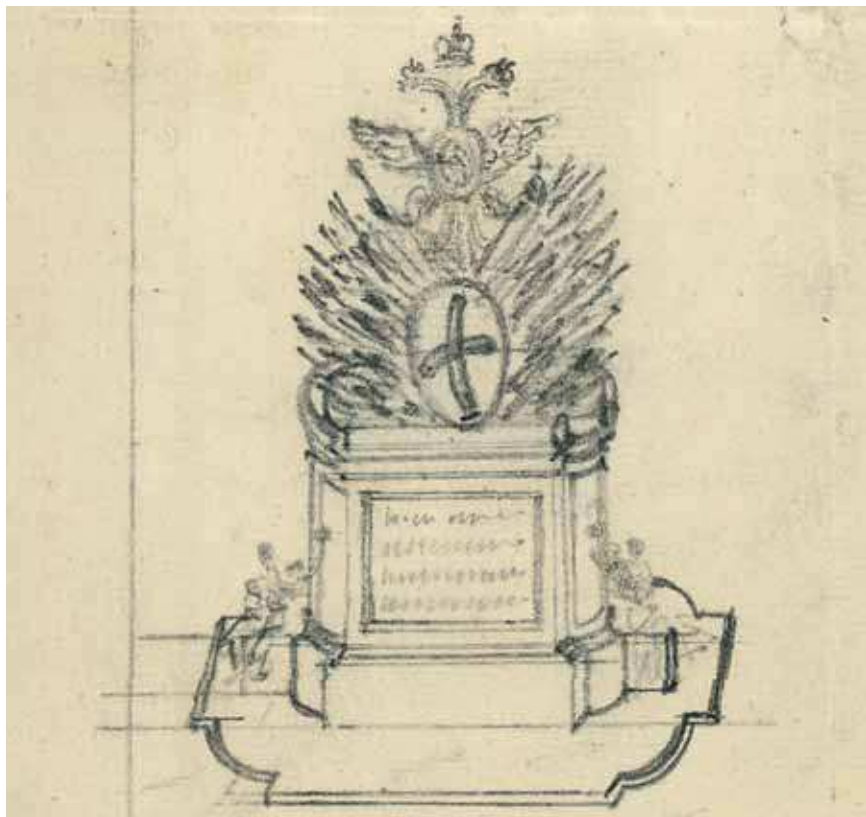
Ил. 12. План Куликова поля. XVIII в. РГАДА

Ил. 13. Гоф-бау-интендант П. М. Ерошкин. Литография XIX в. ГИМ

Ил. 15. П. М. Еропкин. Рисунок картины «Родословное древо Волынских». 1740 г. РГАДА

Ил. 16. Государственный герб России и герб А. П. Волынского

Ил. 17. Воевода Д. М. Боброк-Волынский и княжна Анна Ивановна – основатели рода Волынских. П. М. Еропкин.
Фрагмент рисунка картины «Родословное древо Волынских» РГАДА

Григорій Николаевичъ
Тепловъ,
Тайный Советникъ и Сенаторъ.

Изъ Собранія Портретовъ издаваемыхъ Империцею Екатериною Великою.

Найдена съясъбаная полоса в степи къ Кемаи выпяхана в урочище на Куликовомъ полѣ. Близъ реки непряды въ нѣмъ мѣсте где въ 6887 году асбръжества хрстова въ 1379 году.
была битва со многими чинными татарскими войсками бывшими сханомъ мамелемъ бояремъ гдѣ ствующаго тогда вросси блговернаго гдѣя и великаго князя димитрия иоанновича московскаго и всероссій.
на которой битви росскимъ войнствомъ самъ велики князь каландоваль сннже поомошныи ему были воиски литовские и протчия подприводствомъ блговернаго князя димитрия иоанновича
вица волынскаго за котораго потомъ великїи князь димитрий московски бѣдалъ всупружество сестру свою и родную блговерную княжню анну иоанновну.

Сабля, найденная на Куликовом поле в 1736 г.
Рисунок с проектом надписи из архива А. П. Волынского, РГАДА.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПИБ	— Государственная Публичная историческая библиотека
ЗОРГБЛ	— Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ИЗ	— Исторические записки
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
МГИАН	— Московский государственный историко-архивный институт
МИОДР	— Московское Общество истории и древностей Российских
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РБС	— Русский биографический словарь
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
Сл. РЯ XI–XVII вв.	— Словарь русского языка XI–XVII вв.
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азов 64
Амстердам 36
Астраханская губ. 34, 54, 69
Богородицк (Богородицкой), г. 42–45
Булгар 19
Великое княжество Московское 52, 81, 86–89
Волынь (Волынская земля) 15, 18, 22–23, 27, 29–31, 35, 50, 73–74, 81
Воронеж, р. 78
Германия 58
Гребень, г. 77
Данковский у. 5
Дедиловский у. 43
Дон, р. 6, 7, 35–36, 46, 78, 82
Епифанский у. 45
Журихино (Журишки), д. 46
Золотая Орда 29
Италия 38
Киев 36
Куликово поле 5–7, 10, 39, 41–43, 45–47, 49, 65, 71, 72, 75, 77–79, 82
Литва 15, 19, 74
Монастыри
 Ипатьевский Костромской 10
 Киево-Печерский 36
Москва 15, 18, 19, 25, 30, 35, 38, 44, 68, 70, 82, 87
Дом графа Б. П. Шереметева на Никольской ул. 57
Усадьба Кусково 58, 62
Храм Гребневской Божией матери на Лубянке 77
Немиров, г. 60, 67, 90
Непрядва, р. 6, 7, 46, 72, 82
Нижний Новгород 29
Орда см. Золотая Орда
Острог, г. 81
Петербург 8, 12, 36, 38, 40, 42, 44, 69
 Алекسانдро-Невская лавра 60
 Дом А. П. Волынского на Английской набережной 40, 45, 49, 51, 70, 71
 Зимний дворец 52, 61
 «Фонтанный дом» графов Шереметевых 57
 Школа на р. Карповке 58, 59, 61
Полоцк 76–77
Польша 60, 71
Россия (Русь, Российская империя) 6, 8, 9, 12, 21, 29, 36, 39, 50, 56, 63–65, 75, 77, 79, 82
Скорнищево 19, 20
Суздальско-Нижегородское великое княжество 15
Тульская губ. 5
Уперта, р. 43
Чир, р. 77
Штутгарт, г. 70

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аадемий, ордынец 82
Адогуров В. Е., адъютант Академии наук 67, 69
Азбелев С. Н. 6
Аикша, киличей 30
Алибурт см. Любарт Гедиминович, князь
Амелькин А. О. 5, 57, 67
Анастасия Романовна, царица 10
Андрей Иванович, князь московский 72, 82, 84, 86
Андреев А. И. 7
Андріяшев А. М. 74
Анисимов Е. В. 9, 19, 32, 33
Анна Ивановна, княжна 10, 15–16, 19, 38–39, 47, 49–50, 52, 56, 72, 78–80, 86–88, 90
Анна Иоанновна, императрица 7, 13–14, 40, 52
Антонов А. В. 17
Анхимоук Ю. В. 21
Барсов Н. И. 70
Барсуков А. П. 63
Белютин Э. М. 57, 61
Бирон Э. И., герцог 77
Блудов Д. Н. 40, 41
Блюментрост Л. Л., лейб-медик 69
Борзин Б. Ф. 63
Борис Константинович, князь суздальско-нижегородский 30
Борис Давыдович, князь полоцкий 76
Бранденбург Н. Е. 46
Бренева И. В. 65
Булъчев А. А. 12
Будовниц И. У. 28
Бурицев И. 7
Бутурлин Л. А. 33
Бушуев И., секретарь 37
Бычкова М. Е. 15, 16, 25–26, 75
Васенко П. Г. 76
Василевская Е. А. 28
Василий Васильевич Темный, великий князь московский 15
Вельяминов М. В., боярин 15
Веселовский С. Б. 16, 19, 21, 24, 33
Виттенберг Е. П. 58–59, 61
Владимир Андреевич, князь серпуховской 10, 35
Владимир Всеволодович Мономах, великий князь киевский 75
Власьев Г. А. 17, 25, 31
Волков С. И. 70
Волкова Е. М. 45
Волынец см. Волынский-Боброк Д. М.
Волынская Аграфена 25
Александра Львовна 14
Мария Артемьевна 48
Фекла Яковлевна 14
Волынский, род 10–11, 13–16, 18–19, 21–28, 30–33, 35, 37, 46, 49, 55–56, 59, 67, 73–75, 77–81, 90
Волынский-Воронье, род 15–16, 24
Волынский Артемий Петрович, кабинет-министр 7–14, 19, 21, 22–24, 26–27, 29, 31–32, 36–53, 55–63, 65, 67, 69–73, 75–78, 90

- Борис Дмитриевич 15, 18–19, 24, 90
 Василий Никитич 18
 Василий Семенович, боярин 26
 Гаврила Никитич 18
 Давид Дмитриевич 15, 19, 24, 90
 Дмитрий, князь см. Волынский-Боброк Д. М., воевода
 Дмитрий Алибуртович, князь волынский 22, 27, 29, 31, 67
 Иван Васильевич 17–18
 Иван Иванович Большой 18
 Иван Иванович меньшей 18
 Иван Михайлович 17
 Иван Михайлович, дворецкий новгородский 24–25
 Иван Петрович 17, 23, 49
 Иван Федорович 26
 Иван Яковлевич 17
 Михаил Петрович 17, 23
 Михаил Яковлевич 17
 Петр Артемьевич 17, 23, 31, 70
 Федор Васильевич 26
 Федор Яковлевич 17
 Волынский-Боброк Д. М., воевода 9–11, 15–26, 29, 31, 35–39, 47, 49–50, 52–55, 57, 61–62, 65–66, 72–75, 78–90
 Волынский-Вороной М. И., боярин 24
 Гваньини А., историограф 74, 75
 Гедимин, великий князь литовский 30
 Гедиминовичи, род 15, 27, 29, 74
 Гизель Иннокентий, архимандрит 36
 Гладков В., секретарь 44
 Глозман И. А. 58, 62
 Гнучева В. Ф. 56
 Голубцов И. А. 29, 33
 Готье Ю. В. 7, 51, 54, 68
 Греков А., «рисовальный учитель» 56
 Гулецкий Р. 50
 Даниил Романович, кн. галицкий 74
 Двуреченский О. В. 41
 Десятков В., ассессор 51
 Дмитрий Волюнец см. Волынский-Боброк Д. М.
 Дмитрий Волынский — см. Волынский-Боброк Д. М.
 Дмитриев Л. А. 35–36
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 9–10, 14–16, 18–19, 29–30, 35, 46–47, 54, 72–73, 77, 79–83, 86–87, 89–90
 Дмитрий Иванович, князь острожский 73
 Дмитрий Константинович, великий князь суздальско-нижегородский 15, 22, 27, 29–30
 Долгорукие, князья, род 77
 Екатерина Алексеевна, императрица 56
 Екатерина II, императрица 58
 Елена Васильевна Глинская, великая княгиня 25
 Елизавета Петровна, императрица 48, 77
 Еропкин П. М., архитектор 8, 37–38, 47, 50–53, 55, 61, 65, 75–77, 79
 Ефимов С. Д. 42
 Забелин И. Е. 25
 Завидовский И., слуга 42
 Заозерский А. И. 57
 Зейгель И., студент 70
 Зезюлинский Н. Ф. 43, 70
 Зелов Д. Д. 64
 Зимин А. А. 25, 27, 28
 Зотов А. И. 65
 Зубов А., гравер 56
 Иван, князь острожский 74
 Иван Алексеевич, царь 14
 Иван Васильевич, великий князь московский 26
 Иван Васильевич Грозный, царь 10, 15, 76
 Иван Данилович Калита, великий князь московский 10
 Идидоров см. Адодуров В. Е.
 Калитовичи, династия 10, 15
 Казимир, князь Померании 76

- Калязин Е. А.* 40
Калязина Н. В. 40
 Кантемир А. Д., князь 70
 Карамзин Н. М. 5–7
Картов Г. М. 38
 Квашнин Ждан 33
 Квашнин-Самарин П. А., герольдмейстер 32, 33
 Квашнины, род 33
 Квашня И. Р., боярин 33
 Кипренский О. А., художник 57
Ключевский В. О. 27, 29, 30
 Колычев С. А., герольдмейстер 32–33
 Константин Васильевич, князь ростовский 30
Корсаков Д. А. 22, 23, 48, 51
 Кориат (Корьяд) Гедиминович, князь 30–31
 «Красной», московский князь 72
Кром М. М. 25
 Кромер М., историограф 74
Крючков Н. Н. 10, 11, 14
 Кубанец (Кубанцов) В., слуга 10, 37, 54, 60, 67–69
Кузьмин А. В. 16, 21, 25, 28–29, 31, 38
 Курбатов П. В., служащий Коллегии иностранных дел 60
 Курочкин А., крепостной 71
Курукин И. В. 8, 10–11, 14, 18, 23–24, 34, 40, 48, 51, 55
 Кучкин В. А. 19
Лаврентьев А. В. 41, 43
 Лжедмитрий I 46
Лихачев Н. П. 12, 15–17, 22, 24, 28, 33
Ломоносов М. В. 5, 56, 64
 Лопухин Ф., комиссар 48
Лотман Ю. М. 63
Лутцов С. П. 21, 37, 70
Лыжин Н. П. 76–77
 Любарт Гедиминович, князь 29–30, 74
Майер-Ментшел А. 59
 Макаров А. В., кабинет-секретарь 69
Маковская Н. К. 57
 Мамай, темник 35–36, 45–47, 66, 72, 79–82, 84–85
 Мария Дмитриевна, княжна суздальско-нижегородская 15
 Мария Ивановна, княжна московская 30
 Мария (Агриппина) Ольгердовна, княжна 30
Маслов С. И. 36
 Матвеев А. М., художник 57
 Михаил, литвин 30, 31
 Михаил Федорович, царь 10
Михайлова К. В. 59
 Милославские, род 26
Мошсеева Г. Н. 56
Молева Н. М. 57, 60–61
 Мстиславская А., княгиня 25
 Муромцев П., секретарь 43–45
 Муромцевы, род, 45–46
Мухина С. А. 6
Нартов А. К. 69
 Нарышкины, род 26, 62
 Наталья Кирилловна Нарышкина, царица 14
 Наримунт Гедиминович, князь 29
 Нарышкина А. Л. см. Волынская А. Л.
Наумов А. Н. 6, 41
Наумова Т. В. 41
 Неплюев И. И., тайный советник 40
 Нечаев С. В. 5
 Никитин И. Н., художник 57
 Николай I, император 40
 Ольгерд Гедиминович, князь 29, 30
Опарина Т. А. 12
 Острожские, князья, род 66, 71–72, 74–75, 81
 Острожский, князь Василий-Константин Константинович 74–75
 Дмитрий Иванович см. Волынский-Боброк Д. М.
 Иван 73, 75, 81
 Иван Васильевич 75
 Даниил 75
 Константин Иванович 74

- Павлов-Сильванский Н. П.* 11, 27, 28–30, 33, 41, 60, 66
- Паганькин, переводчик «лекаря Лештока» 52
- Панин Н. И., граф 61
- Папроцкий Б., историограф 74
- Патрикеев Ю. П., боярин 15
- Пекарский П. П.* 36
- Пересвет Александр 7
- Пермяк И., оружейник 46
- Петров А. Е.* 5, 37
- Петрухинцев Н. Н.* 10, 11, 15
- Пешехонов И.* 7
- Пештич С. Н.* 36
- Пикар П., гравер 56
- Платонов С. Ф.* 21
- Порошин С. А.* 61
- Потресов, подпоручик 44
- Прасковья Федоровна Салтыкова, царица 14, 32
- Приселков М. Д.* 30
- Провор, сын тысяцкого 76
- Пушкарев Л. Н.* 6
- Римская-Корсакова С. В.* 58
- Ринкон-Поса Э.* 65
- Рихтер, иезуит 67
- Ровинский Д. А.* 56
- Родионов П., капитан, адъютант 44, 51, 52
- Розанов П. П.* 7
- Романова А. А.* 77
- Романовы, род и династия 10–11, 14, 25, 61
- Ромодановский Ф. Ю., князь 69
- Ромодановская Е. К.* 77
- Рюриковичи, род 15, 27, 29, 66, 74
- Савелов Л. М.* 25
- Салмина М. А.* 32
- Салтыков С. А. 14
- Самсонова Т. П.* 58–59, 61
- Святохна, княгиня 76–77
- Седов П. В.* 26
- Селезнев Ю. В.* 5, 57, 67
- Семен Иванович Гордый, великий князь московский 30
- Семен Свислочский 30
- Скрынников Р. Г.* 10, 35
- Смагина Г. И.* 71
- Снегирев И. М.* 77
- Соболев Л. В.* 74–75
- Соболевский А. И.* 75
- Соймонов Ф. И. 9, 51
- Соклаков А. Ю.* 6
- Соловьев С. М.* 11, 27, 68
- Стефан Яворский, митрополит 77
- Стрыйковский М., историограф 74–75
- Суровцев Я., управляющий 42–43
- Сухомлинов М. И.* 69
- Татищев В. Н.* 5–7, 48, 56, 76
- Телетова Н. К.* 33
- Теплов Г. Н., «живописец», кабинет-секретарь 51, 52–54, 57–63, 70
- Тихонов Ю. А.* 42, 60, 71
- Троцкий Н. И.* 6, 41
- Троицкий С. Н.* 50
- Турилов А. А.* 16
- Ундольский В. М.* 35
- Успенский Б. А.* 63, 69, 70
- Ушаков А. И., генерал 40
- Фатима** Салтан, царица казанская 25
- Феофан Прокопович, архиепископ 58–62
- Фехнер М. В.* 41
- Филиппов А. И.* 70
- Фон-Винклер П. П.* 50
- Хрущов А. Ф., советник 8, 11, 50, 75
- Царь** Петр Алексеевич, император, император Петр I 7–8, 14, 32, 34, 46, 56, 69
- Челяднина А., боярыня 25
- Черкасский А. М., князь 62
- Чистович И.* 59–62
- Чохов А., литейщик 46
- Шах** Али (Шигалей), казанский царь 25
- Шелковникова Е. Д.* 42
- Шереметев Б. П., граф 57
- Шереметева В. А. графиня 62

Шереметьева И. С. 45

Эйхлер И., кабинет-секретарь 51

Экземплярский А. В. 15, 30

Эскин Ю. М. 28, 33

Юркин И. Н. 7

Яковенко Н. М. 29, 75

Янин В. Л. 16

Crummey R. O. 26

Daniel W. L. 58, 63

Wolff J. 31

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
Глава 1. Официальное родословие и семейная родословная легенда Волынских	14
Глава 2. Родословные документы архива А. П. Волынского	23
Глава 3. Воевода Дмитрий Михайлович Волынский и Куликовская битва	35
Глава 4. Сабля с Куликова поля	40
Глава 5. Картина с изображением родословного древа Волынских . .	49
Глава 6. «Особое сказание» о князе Дмитрие Волынском	66
Приложения	79
Список иллюстраций	91
Список сокращений	93
Географический указатель	94
Именной указатель	95

Научное издание

Лаврентьев Александр Владимирович

**КАБИНЕТ-МИНИСТР АРТЕМИЙ ПЕТРОВИЧ ВОЛЫНСКИЙ
И ВОЕВОДА ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БОБРОК-ВОЛЫНСКИЙ**

**Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы
в России первой половины XVIII в.**

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *О. А. Устинова*

Корректор *Т. В. Никон*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 08.11.2013. Формат 60 90 ¹/₁₆.

Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 7,5. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Контраст».

192007, Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А

БОДНИНА
БОРИСЪ ДАИ
ПРИВЛЮЧЕНЪ
ИКОИ. МИТЪ
С. МОИ

ЛИНИА
С. МОИ

ПОЛИНА
С. МОИ

СЛИБАНЪ
КОРПОРАЦИЯ